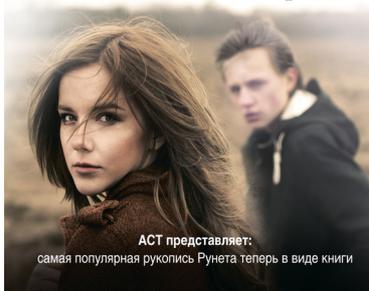

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Анна Джейн

Солнечные ИСКРЫ

Мой идеальный смерч

АСТ представляет:

самая популярная рукопись Рунета теперь в виде книги

Анна Джейн
Солнечные искры. Мой идеальный смерч
Серия «Звезда рунета»
Серия «Мой идеальный смерч (в 6 книгах)», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8910528
Солнечные искры. Мой идеальный смерч / Анна Джейн: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-088246-5

Аннотация

Дэн не хочет так просто мириться с тем, что любимая девушка встречается с другим. Он берет в напарники Машу, придумывает коварный план, дабы разлучить счастливую парочку, и они начинают действовать.

Только вот последствия их игры совсем не такие, какими эти двое себе их представляли...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

39

Анна Джейн

Солнечные искры.

Мой идеальный смерч

© Джейн А.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Любовь, как известно, бывает разная: красивая, мучительная, с первого взгляда. Однако чаще всего, как это не прискорбно, она оказывается не взаимной.

Мария – одна из тех самых девушек, сполна познавших прелесть неразделенной любви. Ей нравится человек, совершенно не обращающий на нее внимания. Более того, тогда, когда Маша все же решает признаться ему в своих чувствах, выясняется, что он уже нашел себе подружку! Вот это несправедливость!

Но оказывается, безответные чувства могут быть не только у девушек, но и у парней. И они тоже не в восторге от вынужденного одиночества! По сопернице Маши сохнет Дэн, человек, которого считают едва ли не идеальным – он не только харизматичен и привлекателен, но умен и напорист, и не зря его называют Смерчем. Отличное дополнение похожей на теплый огонь Марии!

* * *

– Сам открой. Твоя ведь, – вообще-то я просто не могла справиться с оберткой.

Смерчу пришлось отложить смартфон, и он распаковал коробку с помощью маленького складного ножичка. Оказалось, друзья вручили ему нечто под названием «Наша незабываемая ночь: романтический набор для нежных и страстных». От названия, огромными переливающимися сиреневыми буквами выведенного на прямоугольной коробочке с изображением силуэтов влюбленной пары, меня слегка передернуло – мне пока что было нелегко представить Смерчинского в роли страстного любовника, желающего провести со мной «незабываемую ночь». Однако вредное подсознание тотчас подсулоло сознанию картинку, где Дэн держал меня и дул в шею.

Орел на время прекратил полет и сюрреалистично покрутил крылом у виска, а затем вновь взметнулся вверх, к облакам.

Крабовый бог! Я опять покраснела, а сердце с новой силой «загавкало». Хорошо еще, что Денис не видит и не слышит.

Чтобы не думать ни о каких подобных глупостях, я устала на подарок, который включал в себя некоторое количество дурацких романтических штучек, а именно: набор шоколадных конфет, завернутые в серебряные, золотые и белые обертки, небольшую элегантную бутылку вина французского происхождения – об этом говорила этикетка, розовые и белые тонкие свечи в миниатюрных подсвечниках, два полупрозрачных флакончика красного и синего цветов и целую пачку миниатюрных открыток всех форм и оттенков красного: от пурпурного до оранжевого. Все это богатство, посыпанное для большего антуража лепестками цветов, предположительно роз, привело меня в восторг.

– Занятно, – впечатлился и Дэн, с некоторой долей брезгливости и опаски рассматривая открытку в форме сердечка. – Они неисправимы. Ты знаешь, для чего это нужно? – он указал, остальные открытки.

– Понятия не имею, – я тоже взяла одну из них, прямоугольную, и уставилась на двух белоснежных лебедей, над которыми вились все те же сердечки. На обратной стороне я увидела несколько горизонтальных линеечек – как в тоненькой тетради по русскому языку.

– Это открытки отношений – их столько, сколько недель в году. Предполагается, что каждую неделю влюбленные будут записывать на обратной стороне то, что происходит с их отношениями. Всего пару предложений. – Он задумчиво повертел в руках телефон.

– Неужели бывают настолько безнадежные тупые влюбленные? – я расхохоталась, рассматривая прочие открытки.

– Вообще-то это может быть очень мило, – пожал плечами парень, – если двое чувствуют друг к другу нежность и привязанность – почему бы и нет?

– Иногда ты похож на сентиментальную тетушку. Откуда ты знаешь про эти открытки? Я впервые их вижу.

– Мой друг открыл love-бизнес, – пояснил Денис. – Это его оригинальные задумки.

– С секс-шопами ему явно не тягаться... Да уж, ничего так себе наборчик, интересный. – Я без спроса потянулась одновременно к конфетам и к мудреной свечке, обсыпанной блесками. А Дэн, окинув еще одним выразительно-насмешливым взглядом подарок друзей, наконец-то позвонил кому-то. Я, рассматривая подарки, не прислушивалась к его разговору. Он говорил, а я хихикала, представляя идиотов, которые каждую неделю записывают в них свои чувства, эмоции и поступки. Идиотизм самой чистой воды!

– Нам можно собираться, – сказал Смерчинский через пару минут, после того как внимательно выслушал собеседника и напечатал пару сообщений, – мне показалось, что ими парня просто-таки атаковали. – Все свободно, полиция свалила. И даже никого не задержала, – его голос был даже несколько растерян.

– Жалеешь, что никого не успели поймать? – с полным ртом спросила я. – Я бы тоже жалела... Никакой справедливости!

– В том-то дело, что поймали, а потом отпустили, – отозвался молодой человек, вылезая из-под порядком надоевшей нам обоим парты.

Кому рассказать, не поверят, что я и Дэнни вдвоем прята...

Я сама себя тут же оборвала. Поверят, еще как! Еще и вопросы странные задавать начнут!

– Как это отпустили? Они что, взятки прямо на месте преступления уже берут? – поразила я, запихивая в рот вкусную конфету в форме надутого сердечка, с зефиром и фисташками и снизу вверх протягивая конфеты синеглазому. Я думала, что Смерч, как и Федька, к примеру, откажется от сладкого, но нет, взял, и сразу несколько штук, а еще и сказал:

– Оставь мне с зефиром, Чип, не будь жадной. А то мне придется тебя Кротом называть.

– За что? – точно, он же сладкоежка, как я могла забыть. А дружить с этим парнем очень, очень хорошо... Глядишь, еще раз в то кафе с вкусными пирожными сводит на халяву... Блин, я сейчас замурлыкаю.

Орел возрадовался, продолжая клевать золотое пшено, перемешанное с самым лучшим мясом.

– За жадность, говорю же, – Смерч протянул руку и помог подняться мне, а затем вытащил мой порядком помятый рюкзак и подаренный нам красный гелиевый шар с надписью, приводящей меня в восторг. Отряхнув рюкзак, он зачем-то принялся изучать росписи на шаре, проводя пальцем по тонкому материалу.

– Что, знаешь, кому какая принадлежит? – поинтересовалась я, незаметно вытаскивая еще одну зефирную конфету.

– Да, мои друзья все-таки писали... хотя не все узнаю. Это, наверное, твои писали, – кивнул сосредоточенный Денис, продолжающий изучать «наскальную живопись». – Эй, ну я же попросил мне оставить с зефиром! Там их мало!

– А тебе откуда знать?

– Это мои любимые конфеты, – признался Дэн. – Три сорта любимых.

– М-да. Как ребенок. Это тебе десять лет, а не мне, – ничего не смогла сказать я, но следующей конфетой, которую я вытащила, была грильяжная. Вдруг малыш Денисочка расстроится, если его любимых конфеток не останется?

– А что там с полицией? – поинтересовалась я вновь, накидывая рюкзак на плечи.

– Всех, кого поймали, почти сразу же освободили – на помощь прибыла профессура, – стало смешно Денису. – Они увидели, что их родных студентов грузят пачками в автобусы ни за что ни про что, и решили спасти. Так что все в порядке. Мы можем идти.

И мы наконец ушли. Оба, конечно, удивленные таким поворотом событий, но довольные, что все хорошо кончилось. Конечно, такое краткое загадочное объяснение меня не слишком устраивало, поэтому я собралась узнать подробности у подружек или у одногруппников, но не сейчас, потом. С каким хорошим настроением я вышла в коридор, по-прежнему пустой, но еще более темный, и даже на Смерча, закрывающего сейчас аудиторию, почти не злилась.

– Я пить хочу, – пожаловалась я уже в лифте, ощущая невыносимую сладость во рту.

– Пожалуйста, – протянул мне бутылку вина Дэн. Остальные части подарка лежали у меня в рюкзаке – я выпросила их у парня, даже лепестки забрала. Впрочем, он и не возражал.

– Я что, тебе, алкаш: алкоголем запивать еду? А впрочем... если ты откроешь, то я, пожалуй, попробую. Мое сердце чувствует, что это дорогое вино.

– Оно чувствует правильно, – пригляделся к этикетке парень. Оказалось, на французском он читать тоже умеет, причем очень хорошо.

– Красное полусладкое. Тебе должно понравиться, – пояснил он мне со знанием дела. – Это, кстати, – и тут он зачитал название вина. Я почти ничего не разобрала, кроме слова «vins».

– Понимаешь ли, мне это ни о чем не говорит. Мы языков иноземных не знаем-с, – с достоинством отвечала я, как будто бы знание языков являлось преступлением против человечества. По сути, оно так и было – преступлением против меня и таких же неучей, как Димка. Мы с английским мучаемся, а Сморчок блещет, как назло, своими знаниями!

– Это хорошее вино, вино высшего качества с ограниченными контролируруемыми параметрами, подлежащими обязательному прохождению дегустации, – явно что-то процитировал Дэн. Да его только за одну память ненавидеть можно!

Парень, видимо, понял ход моих мыслей и пояснил простыми словами:

– Качественный, дорогой и хороший напиток. Смело пей.

Он на удивление легко (сам изумился) открыл бутылку, поднес горлышко к носу, втянул воздух носом и протянул бутылку мне.

– Пей, Бурундук, спокойно. Это не вино, – вздохнул он с каким-то странным сожалением.

– А? Водичка, что ли? Тебя надули? – я не знала, разочаровываться мне или радоваться.

Оказалось, это был виноградный сок. Друзья Дэна посчитали, что ему лучше вообще не пить алкоголь, даже не слишком крепкий. Даже записочку объяснительную написали – ее мы чуть запоздало нашли на крышке коробки.

«Ты пить не умеешь, – значилось в кратком послании, – не позорься перед девушкой, похлебай виноградику. Не злись и не огорчайся, а главное, не огорчай нас и используй наш подарок с умом и фантазией. А шоколад твой любимый, искренне надеемся, тебе он придется по вкусу и ты угостишь им подругу.

Пы. Сы.: совет вам да любовь. Красный шар – гарант ваших чувств. Все мы – их земные свидетели.

Мы».

Чуть ниже чьим-то корявым-прекорявым почерком не слишком грамотно было подписано:

«Чувак я хотел подлажить беленькой да они охренели!! Сами ее забрали и выпьют я проста уверен на все 100! Выгнали меня на фиг идиоты. Неиллюзорно вышло... Короч иду репетировать песенку для тебя и твоей герлы. Она хорошенькая. Ты ее реально должен...»

– Дальше не читай, – поспешно вырвал у меня из рук послание Дэн, естественно, читающий намного быстрее, я же с трудом разбирала косые буквы малограмотного «писателя».

– Почему?! – мне хотелось дочитать до конца.

– Это писал мой не совсем приличный друг, – спрятал записку в карман Смерч и подтолкнул меня, чтобы я первой вышла из лифта. – Девочкам, особенно таким приличным, как ты, не нужно знать такие подробности. Да, Бурундук?

– Да, Смердяк, – огрызнулась я.

– Глупышка, – он легонько толкнул меня плечом.

– Сам тупой. Смердякотупица, – кажется, этими словами я подтвердила недавнюю догадку партнера по поводу моего десятилетнего духовного возраста. – А не парень ли с челкой это накорябал, который пел идиотскую песню в микрофон? – любопытствовала я, сгорая от желания узнать, что же такое в записке.

Оказалось, что он. По словам Дэна, музыкант имел специфическое чувство юмора и большое пренебрежение к женскому полу, хотя девчонки на него вешались изрядно. Я бы на такого тоже повесилась – он милашка, хотя, вероятно, и пошлый. Эх, если бы не Ник...

«*Никита не виноват!*» – тут же дружно сообщили мне вольные мысли-головастики, наспех изобразив эти слова на очередном плакате-растяжке.

– А почему тебе алкоголь пить нельзя? – невинно спросила я, когда мы уже оказались на улице. Благословенно тихой и пустой, если не считать пары запоздалых студентов, улице! А ведь недавно здесь столько было народа – страшно вспомнить. Даже дяденьки полицейские, вызванные неизвестно кем, разволновались и приехали на машинках.

– Я совершаю всякие глупости, – поведал мне Смерч, впрочем, не смущаясь. – И вообще не помню, что делал или с трудом вспоминаю.

– Буянишь? – представила я, как он в припадке бешенства избивает всех подряд, не глядя, парень это или девушка, а потом, как десантник ВДВ, разрывает рубаху и стучит кулаком в грудь, невообразимо громко вопя.

– Не-а, такого пока не было, – он тонко улыбнулся, по привычке, явно нехорошей, взял меня за руку и повел вперед. – Говорят, что я веду себя не совсем адекватно. Могу рассказывать странные истории. Смеяться просто так. Или пребывать в глубокой депрессии. Приставать или лезть обниматься. В общем, я стараюсь не пить. К тому же я говорил тебе – я против насилия. Буянить разум не позволяет даже в таком состоянии. Кстати, возьми-ка шар – и он сунул мне в руки прочную нить от красного чудовища.

Я не знала тогда, правду Дэни мне сказал или предпочел солгать (не о насилии, а об его взаимоотношениях с алкоголем), но в тот благословенный непонятно каким шутником день этот парень показал мне, каким неадекватным милашкой бывает, когда не совсем трезв. Может быть, после совместно проведенного дня и, к моему великому сожалению, ночи, я и стала воспринимать его не только как друга и, кхм... партнера, с которым, несмотря на закидоны его и его друзей, чувствовала себя спокойно и даже надежно, но и как красивого оборотительного парня, с которым приятно находиться вместе. Нет, конечно, тогда Дэн не мог составить конкуренцию Никите, всецело владеющему моим сердцем, но начал совсем по чуть-чуть, очень деликатно, вытеснять его оттуда.

И началось все с того, что мы, обсудив кучу животрепещущих вопросов, поедая все те же конфеты, оказались на остановке. Дэну, видите ли, понравилось ездить на автобусе («настоящие гонки на выживание», – сказал он мне), байк Смерч отдал Черри, а машину –

черт, у него была еще и собственная тачка! – не захотел брать. Парень только что позвонил своему научному руководителю, про которого совершенно забыл, несмотря на свою классную память, – оказалось, друзья попросили препода вызвать Дэна именно в это время, чтобы он попал на «сюрприз»: это нас обоих слегка шокировало – такое вероломство со стороны взрослого человека. Зря только Смерч переживал, что подвел научного руководителя! Это тот его подвел на самом деле!

Обсудив и это злостное деяние, мы разговаривали, стоя рядышком, не на самой остановке, а около, справа от стройной белоствольной березы, на которой несколько запоздало, но уже обгоняя друг друга в скорости роста, все сильнее и сильнее распускались нежно-изумрудные листочки. Сейчас они едва слышно шелестели над нами. А мы ожидали автобусы, куда-то запропастившиеся. Я основательно присела на уши Дейлу, поныв, что поступок его друзей – ужасный и непорядочный, а его друзья – мерзавцы из мерзавцев.

– У тебя столько... друзей, но все они с приветом. Хотя двое из них все-таки более-менее адекватны. Панк и норвег. А где они, кстати? – мне казалось, что эти двое из категории «близких друзей» отсутствовали на «адской церемонии». Как это они могли пропустить такое грандиозное глумление над собственным Дэнни?

– Ланде и Черри? – задумался парень. – М-м-м... их не было?

– Нет.

– Не было? Уверена? – его это тоже поразило.

– Не было, не было.

– Я почти что шокирован. Они-то как раз знают, что я испытываю к Ольге, неужели они не знали о том, что остальные готовят? Это странно, – задумчиво произнес мой партнер, не отпуская моей руки, – что мне было приятно, и я тоже не хотела ее отдергивать. – Да, кстати, а ведь вчера вечером Ланде звонил мне и просил никуда не ехать.

– Как это?! – безмерно удивилась я. – А ты что?

– Понимаешь, – покровительственно посмотрел на меня парень. – Вчера у меня была девушка. Откровенно не до Ланде было.

– Девушка? – поиграла я бровями, и голос мой стал веселым. Но сразу захотелось отпустить его ладонь. А потом – схватить покрепче, чтобы Смерчу стало больно-больно. Чтоб на его руке синяк остался величиной с мой кулак.

– Девушка, – спокойно подтвердил парень, словно говорил о завтраке или обеде.

– Девушка?

– Девушка.

– Девушка?! – все не могла поверить я.

– Да, девушка! Я не увлекаюсь парнями. Или ты не знаешь, кто такие девушки? – с чертиками в глазах посмотрел на меня этот негодяй-развратник.

– Как, девушка? – смотря на него удивленно, спросила я. – Ты же вчера это... едва ли не оплакивал провал с Князевой, а сам притащил домой девушку?

– Мне нужно было успокоиться, к тому же эта встреча... – парень замолчал, подыскивая слова.

– О! Капец! – была просто ошеломлена таким поворотом событий – надо же, а наш Смерч время даром не теряет. Быстро ходит, быстро думает, быстро чувствует – я имею в виду в плане эмоций. Раз – и все, забыл неудачи, забыл ту же Князеву и забылся в объятиях другой! Не зря, не зря его бабником называли. Да, точно, не может же он быть настолько идеальным, что всю жизнь будет верен одной лишь Гоблинше?

– Вообще-то она пришла ко мне по делу, но потом получилось... Слушай, так как ты маленькая, я не буду тебе ничего объяснять, – видя мою реакцию, ему стало невероятно смешно, я видела, что парень с трудом сдерживает смех. – Ладно, давай будем считать, что я был занят курсовой работой.

– Ага... Курсовой по анатомии, что ли? – пнула я камешек. Тот отскочил метра на два и ударился в бок проезжающей мимо машины.

– Маленькая разрушительница, – тут же обозвал меня Дэн и продолжал, явно желая замять историю о девушке, с которой пробыл вчера. – В общем, я не стал его слушать и отключил звук. Этот парень может быть жутко настойчивым. Легче вообще не брать телефон в руки, чем выслушивать его... Проснулся очень поздно и весь сегодняшний день я... я действительно уже писал курсовик и игнорировал Черри, который маниакально названивал мне всю первую половину дня. Они чем-то неувовимо похожи с Ланде. По ходу, он был пьян и нес околесицу.

– Какую? – живо заинтересовалась я.

– Тоже просил не ходить никуда сегодня. Вроде как меня ожидает сплошное разочарование – только он эти слова при помощи обценной лексики выразил. Мне пришлось его тоже послать, чтобы не мешал. А потом оба пропали. Надо будет перезвонить, – задумался Смерч. – Может, предупредить хотели?

– Хотели бы – предупредили. Поди, они и есть организаторы адского шапито.

– Нет, – решительно возразил Смерч. – Странно. Почему я вчера не послушал их? Как только я связался с моим дорогим партнером, у меня все пошло не так, как я планировал, – он со вздохом посмотрел на меня – и мне показалось, что я знаю этот взгляд. Точно, на меня так Федька смотрит, когда я сделаю ему какую-нибудь пакость, нечаянно или специально, а он меня прощает, потому как я меньше и, следовательно, глупее.

– А к Интернету я вообще не подходил, – продолжал думать вслух парень. – Был сильно занят. Домашний отключил – отца и мамы не было дома.

– Я же сказала – ты самый настоящий неудачник, – вынесла я ему суровый вердикт.

– Я скоро начну в это верить.

– Мне надоело его держать, – взглянула я на гелиевый шар. – Твои друзья даже удобных шаров подарить не смогли. Себе-то маленькие купили, отпустили их в небо, а нам... это чудовище красное. И как они его только не проткнули, косорукие, когда расписывались?

– Давай его тоже отпустим, – предложил парень, взглянув на шар и почему-то тепло ему улыбаясь.

– Прямо здесь? – посмотрела я на бледно-голубое небо, начинающее темнеть на западе. Ни одного облака по-прежнему не намечалось, зато ярко-оранжевое садящееся солнце очень красиво золотило кусок неба вокруг себя, создавая бледно-желтый ореол.

– Прямо здесь. «Красный шар – гарант ваших чувств. Все мы – их земные свидетели», – вспомнил он слова из записки друзей, лишний раз подтверждая, что его голова – помойка. Почему? Да потому что в ней остается все, что он когда-то видел, слышал или читал.

– Я снимаю с шара эту ответственность, – солидно сказала я, сощурившись, – пыталась определить, мой ли автобус едет вдали или нет: оказалось, что не мой.

– Энергия не может возникнуть из ничего. Не может исчезнуть в никуда. Может лишь переходить из одной формы в другую. Как говорил Ломоносов, по-моему, «сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому, так ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте». Ничего не проходит бесследно. На кого ты перекидываешь эту ответственность? – поглядел на меня Дэн, вновь блеснувший эрудицией.

– Странные мыслишки у тебя. Да хоть на это дерево, – я всегда с насмешкой относилась к этому закону, если его пытались из науки перетащить в повседневную жизнь.

– Только вместе это сделаем, идет? – он взялся за нитку чуть ниже моей ладони. Я кивнула. Все-таки неплохая идея! Жалко, конечно, шар все же красив и необычен, и я хотела бы хранить его у себя дома, но то, с каким смыслом вручили нам его, меня смущало. Нет уж, пусть летит туда, вверх! Орел проводит шар до верхушек деревьев, а бурный поток воздуха – смерч – еще выше.

– Улетай и повидай космос, – торжественно сказала я шару на прощание. – Передавай привет марсианам, если долетишь до Марса. Мы будем тебя помнить и все такое.

– И уноси с собой все наши проблемы с недоразумениями, – добавил Смерч, осторожно касаясь надписи на шарике, как будто бы желая запомнить тактильные ощущения. – Бурундук, как это символично: «Поздравляем с новой девушкой» унесется прочь, унося вместе с собой и то, что натворили мои друзья.

– Твои друзья-деграданты, – с этими словами мы и отправили гелиевого гиганта в путешествие, одновременно разжав пальцы. На миг мне стало ужасно жаль его – такое чувство, что в небо полетел на гелиевый гигант, а душа, только что покинувшая чье-то брэнно тело. Но я переборола это чувство и помахала шару рукой.

– Слушай, – вдруг спросил задумчивую меня Смерч, провозжая медленно-медленно улетающий шар внимательным взглядом, – что ты будешь сейчас делать?

– Домой поеду. Покушаю. И буду смотреть сериал. Или играть в игрушку новую, – не раздумывая, отозвалась я. Шар взлетал все выше и выше. Пока, милашка! Скоро ты будешь на замечательной высоте, и тебе откроется красивый вид вечернего города. А потом город превратится в небольшое пятно, и ты насладишься просторами лугов и полей, холмами и грядами гор и широкой рекой, берущей из них свое начало.

– Мы с тобой сегодня многое пережили, – тоном профессионального искусствителя, прошедшего практику в земном филиале адского агентства «Выманивание душ у населения», произнес брюнэт. – Нам нужно отдохнуть. Хорошо бы посидеть в клубе, послушать музыку. Мои друзья сегодня выступают. Те самые, которые пели. Послушаем?

– Твои друзья? Нет уж, спасибо, я лучше поед... – договорить я не успела – наш глупый шарик посчитал, что в космос лететь слишком далеко, и предпочел остаться на земле, каким-то одним ведомым ему способом умудрившись напороться на острую, обломленную ветку той самой березы, около которой мы стояли, с оглушающим ревом (наверное, протестовал так) лопнул и стремительно упал на землю – совсем недалеко от нас, растекшись кроваво-красной лужицей. Ему так и не довелось покинуть землю.

Безобразие! Куда только Провидение смотрит?!

– И это тоже символично, – медленно проговорил удивленный Денис. – Кажется, наши проблемы не улетят.

– Улечу сейчас я! Вот черт! – выругалась я, подбегая к остаткам шара, бывшего шара. – Парень, ты чего не улетел?

Я аккуратно подняла его с пыльного асфальта, под взглядами тех, кто стоял на остановке, и, отряхнув, засунула зачем-то в рюкзак. Кажется, шар остался раненым, но живым и сейчас довольно ухмылялся.

«Невезуха!» – сообщила мне мысль-головастик яркого бордового цвета.

Знаю я.

– Помойка там, – выразительно посмотрев на меня, сообщил Смерч. Он явно не понимал моих действий.

– Мне его жалко, – призналась я, мельком посмотрев направо и вспоминая несостоявшийся полет.

– А мне жалко тебя, партнер, – серьезно проговорил парень, не отрываясь глядя в мои глаза. – Кажется, ты устала больше, чем я думал. Ты просто обязана поехать со мной и как следует расслабиться.

– Прости, Смерчинский, я хочу домой, – вынуждена была отказаться я, скрещивая руки на груди и склонив голову к правому плечу. Да-а-а, с появлением Дэна в моей жизни у меня появились огрызки шара любви, романтический набор, игрушка из автомата, оригами, подбранное мною в клубе. А, да, еще куча проблем. И довольно хорошее настроение в сочетании с целью: разлучить Ника и Князя.

– Мария, посмотри на нас. Нам нужно немного расслабиться, забыть обо всех наших неприятностях, побыть в атмосфере праздника, – не переставал уговаривать меня парень – голос Дэна, скрестившего руки вслед за мной, непринужденный, мягкий и настойчивый одновременно, раздавался около моего уха, – и мне, и тебе хочется чувствовать себя отлично, а не подавлено. Это факт.

– Факт? Я просто вижу в этом дурное предзнаменование, – заметила я, посмотрев направо – на самого парня, а потом в небо. Дэн едва заметно улыбнулся.

– С чего ты взял, что я подавлена? – буркнула я, увидев наконец свой автобус, благо-словенно пустой, такой, о котором я грежу каждое утро.

– К счастью, я способен видеть это, партнер, – ровный ритм его речи завораживал. Почему – сказать трудно. – Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Во-первых, у тебя был нелегкий день, во-вторых, тебя буквально ошарашили «сюрпризом», а в-третьих, напугал внезапно прибывший ОМОН. Ты ведь никогда раньше не убегала от них, малышка мили-цейская дочка?

Я нерешительно кивнула, задумчиво потирая запястье и глядя на зловедную березу.

– Таким образом, тебе нужно снять накопившийся стресс, – сделал он вывод, с которым я внутренне согласилась. – Лучше всего – весельем. Я предлагаю тебе поехать со мной и повеселиться на славу. Ты же любишь веселье, так?

Дэн умеет уговаривать. Касается своего запястья, повторяя неосознанно мои движе-ния, и, по-моему, даже дышит в том же ритме, как это делаю и я.

– Так, – я с тоской смотрела на автобус, медленно подъезжающий к остановке. Чтобы уехать на нем днем, нужно побороться с большим количеством желающих залезть в него и усесться на свободные места. А желающих очень, очень много.

– Поэтому ты будешь не против, если тебя развлекут, Чип, – заявил Дэн. – Оторвемся! Увидишь, тебе понравится.

– Это не понравится моей маме, – хмуро отозвалась я. Знаешь, какая она строгая ко всем видам молодежных развлечений?

– Позвони ей и скажи, что ты задержишься в клубе, – предложил Дэн.

– Вы только посмотрите – какой умник! Если я скажу про клуб, она меня убьет. Моя мама – истинный тиран, – мрачно отозвалась я. – И не смей ржать надо мной. Если бы твоя мама работала в полиции и знала подноготную всех этих ночных клубов с их оборотом нар-котиков, нелегальными делишками и проституцией, она бы тебе на дверь повесила замок, и ты бы куковал под ее надзором.

Дэн потрепал меня по плечу и заявил:

– Позвони и скажи, что ты пойдешь на Музейную ночь.

– Куда-куда? – не поняла я. О, автобусик открыл двери! Мои ноги так и рвутся забежать в него.

– Музейную ночь. Не слышала разве? Ты же учишься на искусствоведении, – удивился Дэн. – Ее проводят раз в году в музейно-выставочном комплексе «Витражи эпох».

– А, эта, в «Витре», – кивнула я, вспомнив. Действительно, один из больших город-ских музеев (сокращено весь народ отчего-то называет комплекс не иначе, как «Витра») совместно с администрацией города и еще с какими-то компаниями, специализирующи-мися на инновациях, проводит эту самую ночь, когда посетители смогут с полуночи до утра шариться по всем пяти этажам и рассматривать самые разные выставки и экспозиции про-фессиональных художников, фотографов и даже скульпторов, а также многочисленные про-екты, которые на специальных площадках презентуют представители «интеллектуальной молодежи». Была я раз на такой Музейной ночи, была. Вместе с группой и преподавате-лем-куратором. Не то чтобы я пришла от нее в дикий восторг, как препод, но мне понрави-лось, признаюсь честно. А все потому, что представляли довольно интересные современные

вещи: экспериментальную музыку, перформансы, видеоарт, паблик арт и так далее. Атмосфера была до ужаса демократичной, и можно было без труда разговаривать как с посетителями, так и с авторами произведений. Я, Маринка и Лида умудрились познакомиться с тремя художниками-парнями, рисующими в стиле дикого авангарда невообразимо прикольно, хоть и непонятно. Они показались нам дикими милашками, но если сестричкам попались нормальные парни, то мне достался редкий зануда, который два часа без усталости вещал о том, какой концепции придерживается и почему считает себя учеником художника Т. Радова. Я сбежала от него в полном изнеможении, поняв в очередной раз, что круче Никиты никого нет...

– Скажешь, что вам обязательно нужно быть в музее ночью, думаю, мама поймет тебя, учитывая специфику твоего образования. И не волнуйся, – не дал мне рта раскрыть парень. – Я доставлю тебя домой в лучшем виде.

«Хорошая идея!» – поведали мне мысли уже знакомым способом. Да, мне, наверное, следует чуть-чуть расслабиться.

– Я вообще ничего не боюсь, – сказала я, а потом вяло согласилась, сама не зная, зачем мне все это нужно. Переговоры с мамой прошли нормально: в музей она меня отпустила, правда, прочитала нотацию, и читала бы ее долго, если бы ее не отвлекли коллеги по работе. Заверив родительницу, что я якобы только что была дома и поужинала, а теперь направляюсь вместе с Маринкой и Лидой в музей, я положила трубку и с облегчением вздохнула. Отделалась малой кровью. Единственное, на чем я чуть не прогорела, был ее вопрос:

– Почему ты не звонишь со своего телефона, Маша?

– Я забыла его дома, – сказала я правду.

– И откуда ты звонишь? – заинтересовалась мама.

– От однокурсника, – отозвалась я, потому как номера Лиды и Марины ей были известны.

– От Дмитрия? – проявила осведомленность она.

– От него, – покривила я душой вновь, впрочем, не чувствуя угрызений совести.

– А почему не от Марины или Лиды?

– Они не идут с нашей группой, потому что... потому что у их бабушки сегодня юбилей, все их родственники собираются справлять его в ресторане, со всеми родственниками, ну, сама понимаешь, им не до музея... А Димка дал мне телефон.

– Какой хороший мальчик. А ты кулема. Как можно уйти на ночь и не взять свой телефон? Чувствую, мне его придется скоро привязывать на резиночку в твоем рукаве – как детишкам маленьким рукавички приделывают. – Дэн услышал и с восторгом на меня посмотрел. Я тут же отошла от него, чтобы он еще каких-нибудь глупостей не узнал.

– Ладно, пока, мама. Я буду тебе звонить с этого телефона, в общем, быстро домой вернусь, – пообещала я. – За нами... э-э-э... папа Димки приедет и развезет по домам.

– Ах, у него еще и папа хороший, – воскликнула мама тут же. – Жаль, что не он стал твоим молодым человеком.

– Это счастье, – буркнула я и спешно распрощалась с родительницей. И что я делаю? Нет бы дома посидеть.

Да, мой автобус уехал без меня, зато приехал другой, тоже пустой, большой и новый, который с радостью принял в себя нас со Смерчем.

Мы вдвоем уселись на самое заднее сиденье: я к окошку, а Дэн развалился около меня, довольный, как переевшая лакомств утка. Жаль только, не кричал. В очередной раз показал себя истинным джентльменом – не дал мне рассчитывать за себя. Утка-джентльмен с бабочкой под клювом и с тростью в крыле. Нет, селезень-джентльмен, правда, утка звучит обиднее. С бабочкой под клювом и с тростью в крыле.

Орел издевательски захихикал, хотя и был привязан к бревну, поднятому с земли смерчем и кружащемуся в его вихре, красной атласной ленточкой.

– Нам нужен клуб «Алигьери». Выступление моих друзей начинается в девять, – удовлетворенным голосом произнес парень, предлагая мне арбузную жвачку – я, не будь дурой, оттяпала себе сразу три подушечки и засунула их в рот.

– Мы как раз на него успеваем, – продолжал он.

– Неужели этот челочник еще и в клубах поет? – удивилась я, усиленно жуя. Мы проехали территорию университета довольно быстро, и теперь автобус, затормозив, вновь открыл свои гостеприимные двери. Вошли люди, и на одно из соседних сидений опустилась симпатичная девушка в платье на тоненьких бретельках. Она тут же заметила Смерча и принялась стрелять в него невинными взглядами.

– Еще как. Мечтает быть музыкантом.

– Я в детстве тоже мечтала быть певицей, – произнесла я желчным тоном человека, обожающего коверкать чужие мечты и портящего настроение всем подряд. – Увы-увы-увы, мечты и реальность друг друга ненавидят. Бедный мальчик. Еще не разочаровался в мечте. Знаешь, что разочарование в мечте – это как ветрянка?

– Как ветрянка? – изогнулись его губы в улыбке. Я закинула ногу на ногу.

– Ну да. Чем быстрее переболеешь, тем безболезненнее это пройдет. Лучше разочароваться в мечте в десять лет, чем в сорок пять.

– Ого, да ты философ, Мария, – с любопытством посмотрел на меня Денис.

– Жизнь заставила, – отозвалась я старушечьим тоном. – Хотя, с другой стороны, непонятно, что хуже: разочароваться в мечте или не иметь ее совсем. И все-таки, ты как друг челочника, скажи ему, что мечтать не вредно.

– Будь чуть-чуть добрее, – ответил на это Смерч. – Не будь бестактной.

– Я и так бестактна.

– И это говорит одна из студенток факультета искусствования, у вас ведь и этику должны преподавать, – начал вновь читать мораль шутивным голосом Дэн.

– Замолчи! – сказала я ему тут же. – Моя специальность – реклама. Я не виновата, что ее запихнули на искусствование ради поднятия престижа последнего.

– Ладно, ладно, не заводись, – примирительно улыбнулся мне Смерч, – поговорим лучше о клубе. Выступление ребят тебе понравится, расслабишься.

– Ты платишь за билеты, – заявила я.

– Естественно, Бурундук, – улыбнулся он, как гиена. Правда, сидящая напротив девушка не заметила этого и несмело растянула губы в улыбке. – Я плачу за все. Ты как-никак девушка.

– Как-никак? – я с презрением посмотрела на него и с силой пихнула локтем в бок. Ямочки от улыбки вновь появились на его щеках, да и глаза смеялись.

– Я тебе про капусту говорил? Говорил, Маша. А мое предложение насчет классного тренера остается в силе, – вновь показал себя не с самой лучшей стороны ветерок-раздолбай. Я сощурилась.

– А я тебе говорила про ненависть? Мои слова насчет того, что я буду ненавидеть тебя сильнее всех на свете всю твою жизнь, тоже остаются в силе, Сморчок, – проговорила я голосом ступившей под темные знамена колдуньи, вроде бы негромко, но на нас обернулось пол-автобуса.

– Да, я все помню дословно. А что, радость моя? Мне нужно бояться? – полюбопытствовал нахал. Ему, как потом Смерч признался позднее, нравилось иногда меня доставать. «Ты становишься забавной, – говорил он, – беззащитной в своей по-детски наивной злости».

Та девушка, сидящая на соседнем сиденье, услышала слова про ненависть, и ее тщательно накрашенные глаза округлились.

– Вот именно! – рывкнула я и добавила. – И хватит на нее пялиться! Вот уж кто когда-то капусты объелся – так это она! А ты, – я ткнула парня в плечо, – только на таких и смотришь! Хотя нет. Наша Князева Тролль...

Тут Дэн вновь зажал мне рот, близко-близко наклонился ко мне: казалось, мы прижались друг к другу, и зашептал:

– Думай, что кричишь. Услышит ведь кто-нибудь. Тише будь, партнер.

Я, поняв свою ошибку, кивнула.

– А права моя бабка: милые ругаются – только тешатся, – раздался где-то в начале автобуса голос кондуктора. Ему казалось, что мы обнимаемся. Мы с Дэном отвернулись друг от друга, но я не выдержала и тихо засмеялась, а когда повернула голову в сторону Смерча, то увидела, что и ему смешно. На какое-то мгновение мне показалось, что мы похожи и, мало того, я могу понять Дэни так же хорошо, как близкого родственника. Это ощущение длилось всего несколько секунд – когда я смотрела в его лицо с правильными чертами и выразительными глазами, которые были прикрыты длинными, как у девочки, коричневыми ресницами, зато ощущение тепла и доверия осталось на долгое время, чтобы время от времени возникать вновь. Он широко улыбнулся мне, и от такой улыбки стало еще теплее.

А после мы дружно молчали.

Смерч без слов достал из рюкзака свои большие фиолетовые наушники и сам надел их на меня, следом вынул навороченный плеер и еще одну пару наушников-капелек, подсоединил к плееру и их и засунул себе в уши. Ничего так и не говоря, протянул плеер с сенсорным экраном, предоставляя возможность выбрать музыку. Я благодарно ему кивнула, и всю дорогу до клуба мы слушали музыку. Классику вперемежку с роком.

А через полчаса у нас появилась возможность слушать музыку уже вживую, в том самом клубе, который был назван «Алигьери» в честь великого итальянского писателя и поэта начала эпохи Возрождения.

Остановка, на которой мы вышли, находилась как раз напротив этого высокого, да и широкого тоже, клуба, стилизованного под средневековый могучий замок. Светло-серый камень облицовки придавал зданию некоторую готическую мрачность, насыщая атмосферу вокруг средневековым колоритом, который еще больше подчеркивали узкие проемы окон на фасаде, декоративные ворота в виде полуциркулярной арки, а также углы, выполненные в виде четырех остроконечных башен с круглыми окнами. Хозяева не украшали это заведение яркими вывесками или неоновыми всполохами света, видимо, понимая, что этим лишь испортят внешний вид клуба. Лишь темно-синие тусклые огни подсвечивали узкие окна в высоких башнях, отчего те казалось таинственными и даже зловещими, словно в каждой из них были заточены ведьма, алхимик или маг, творящие зловещую волшбу над своими котлами со странным варевом, испускающим этот волшебный свет.

– Я тут ни разу не была, – произнесла я, с немалой долей интереса оглядывая фасад лжероманского здания. Стильно оформленный лепными элементами, в которых переплетались геометрические мотивы с изображениями фантастических животных, он мне очень понравился. В этом узоре я сразу рассмотрела кого-то, напоминающего разъяренного грифона, над которым нависал не менее «добродушный» лев.

– Все когда-то случается в первый раз, – отозвался Смерч и повел меня вперед, через аркообразные массивные ворота. Желающих попасть в «Алигьери» было немало, и уже в это время, в общем-то еще раннее для тусовщиков, ведущих ночной образ жизни, около входа, возле которого воистину двумя памятниками застыли два массивных охранника, образовалась живая очередь. Клуб был популярен у жителей города, правда, немного кусач по ценам, но от этого не менее привлекателен в глазах молодежи. Однако наш мальчик-ветерок, видимо, давно и прочно решил, что очереди созданы не для него. Он, тихо проговорив: «Новая охрана?», спокойно обошел всех стоявших и показал одному из охранников, бура-

вившего нас подозрительным взглядом профессионального волкодава, черную прямоугольную карту с золотыми буквами и печатью такого же цвета.

– Она со мной, – сказала Дэн, пока охранник тщательно рассматривал карту со всех сторон. Наверное, будь это позволено, и на зубок бы попробовал.

– Желаю хорошо провести время в нашем клубе, – вернул наконец, карту Смерчу охранник и даже сделал безуспешную попытку улыбнуться. Он попросил нас закатать рукава и поставил на запястья прямоугольную кроваво-красную печать с названием клуба и очертаниями средневекового замка. Я тут же коснулась печати пальцем, проверяя, высохла она или нет. Оказалось, что высохла.

– Нужно ли оставить номер вашего телефона или адрес? – задал странный вопрос охранник, пока я вертела рукой, представляя, что это не печать клуба, а татуировка. Смотрелось это весьма симпатично.

– Нет, спасибо, – вежливо отозвался парень и, обернувшись ко мне, поманил за собой. Я, в последний раз оглянувшись на недовольную очередь, которая, кажется, завидовала нам, зашагала вслед за Дэном.

– Как это ты так прошел? – въедливо поинтересовалась я, догоняя его. – Ты что, настолько крут?

– По именной золотой ВИП-карте, – улыбнулся парень, польщенный непонятно чем, – неужели язвительность в моих словах не расслышал? – Это хорошая вещь. Бесплатный вход, возможность провести несколько человек, несгораемая сумма денег на счету и прочие привилегии.

– На каком счету? – с интересом вертела я головой в разные стороны, ожидая увидеть средневековый шик, а на глаза мне попала банальная касса с тремя пластиковыми окнами, около двух из которых рассчитывались с операторами крупными купюрами несколько парней и девушек. Напротив касс располагалось несколько двустворчатых тяжелых дверей. На одной из них значилось темным серебром: *Inferno*, на второй *Purgatorio*, на третьей *Paradiso*¹, а четвертая гласила: *Ospiti importanti*².

– Видишь кассы? – наклонившись ко мне, спросил парень. Я кивнула. – Перед тем как пройти в клуб, на один из трех его уровней, нужно купить карту оплаты – по ней будешь рассчитываться за все услуги, предъявляя ее, к примеру, бармену за купленные напитки. С помощью специальной системы он снимет определенную сумму с твоей карты.

– О Боже. Куда лучше сходить в старый добрый «Пилигрим», – вспомнила я тут же небольшой ночной клуб, находившийся недалеко от меня, вечно прокуренный и дымный, не такой красивый и элитный, как этот, зато без закидонов и куда более понятный «простому народу». Да, и пусть там охрана берет взятки, чтобы пропустить малолеток, официанты грубы, как дикари, а диджеи почти всегда под кайфом, зато там просто и по-своему уютно.

– Ты привыкнешь здесь, – отозвался Денис. – По картам гораздо проще. Кстати, Чип, давай рюкзак, оставим в гардеробе.

Он стащил с меня рюкзак, снял свой, унесся куда-то и через полминуты вернулся – я даже заскучать не успела.

Дальше Дэн уверенно повел меня в сторону двери *Purgatorio*, заботливо распахнув и пропуская вперед. Мы зашли в какой-то полутемный коридор, освещенный подсвечниками в виде самых настоящих факелов. Внезапно у меня появилось ощущение, что мы попали в подземелье.

¹ Название трех частей «Божественной комедии». В переводе с латинского *inferno* – ад, *purgatorio* – чистилище, *paradiso* – рай.

² В переводе с итальянского – важные гости.

– А почему охранник предлагал адрес и телефон поставить? Я что-то не врубилась, – вновь начала допытываться я, удивляясь, что здесь так тихо и совсем не слышно музыки. Как оказалось потом, в холле была отличная звукоизоляция, так как все прочие помещения оказались достаточно шумными, между прочим. А ответ Смерча мне понравился.

– Адрес и телефон могут поставить в виде печати на вторую руку. На случай, если ты не знаешь, в каком состоянии выйдешь – или тебя вынесут – отсюда. В таком случае охрана сможет вызвать такси и отправить тебя по адресу на руке или позвонить по телефону, который ты указал, чтобы за тобой приехали. – Был в курсе всего Дэн.

– Ого! Такого я еще не слышала! – осталась я в восторге от подобного сервиса. – Кто это все придумывает? Наверное, наши бизнесмены наверняка сперли эти идеи с Запада. Да уж, здесь есть где и как разгуляться пропойцам.

Дэн хмыкнул.

– А откуда у тебя такая крутая карта? – задала я еще один вопрос.

– От дедушки, – кратко пояснил парень, уверенно ведущий меня по темному коридору с кирпичной кладкой и светильниками в виде зажженных факелов.

– Какой модный дедушка, – фыркнула я, представив, как мой дед, бывший военный высокого чина, которого боялась вся воинская часть, дарит мне, к примеру, на Рождество дорожку, по всей видимости, карту для посещения ночного заведения вроде этого. Меня тут же разобрал смех. Дедушка скорее выкинул бы такую карту в реку, чем вручил ее мне.

– Ничего смешного, – покачал головой парень. Он хотел добавить что-то еще, но в этот момент обогнавшие нас парни в широких военных штанах дернули за большое медное кольцо и распахнули огромную арочную дверь, на которой висела картина с изображением каких-то глубоко несчастных персон. В мои уши мигом ворвались поток ударной яростной музыки и глубокий бас, усиленный в десятки раз музыкальной техникой. Кажется, выступление друзей Дениса уже началось.

– Добро пожаловать в «Чистилище»! – закричал он мне на ухо, уже совершенно похотливо схватив за руку – чтоб я не потерялась в толпе, а не из-за избытка теплых чувств ко мне. И потащил вперед, в огромный мрачный зал, освещаемый лишь бешено мечущимися багряными огнями софитов, висевших под высоченным сводчатым потолком, на котором посередине бушующего океана был изображен одинокий остров-гора в виде усеченного конуса. Впереди, за спинами сотни людей, высилась сцена, где уже вовсю бесился тот самый парень с черной челкой и микрофоном, а также его дружки-музыканты.

Вот так мы и оказались на шумном концерте дружков Дэна, одних из тех, кто организовывал сегодня мерзкий «сюрприз» и принимал в нем непосредственное участие. Играли ребятки что-то вроде панк-рока, и эта музыка мне нравилась своей энергичностью, мелодичностью и задорным драйвом. Смерчу, видимо, она тоже была по душе. Он явно чувствовал себя в своей стихии, таща меня в самый центр толпы зрителей, состоящей в основном из парней неформального вида, хотя и девушки здесь встречались. И довольно много. Впрочем, народ тут был всякий. Около стенки слонялась парочка волосато-бородатых дядечек в коже и железе, а в общей массе тел пару раз мелькнули развеселые мужики возраста моего папы, но с совершенно подростковым поведением. Они трясли разноцветными хаерами и махали руками, сплошь покрытыми татуировками. А особенно колоритно смотрелись две девушки в мини-юбках, кажется, зашедших в этот зал по ошибке.

Впрочем, веселились, кажется, все. Ни один из присутствующих не стоял спокойно и задумчиво с видом ценителя музыкального искусства, как это делают, скажем, любители классики. Все они дергались и прыгали в такт музыке, махали руками и головами и даже подпевали, кто как мог, не заморачиваясь на таких мелочах, как отсутствие голоса или слуха, – видимо, знали группу, хотя я раньше о ней никогда не слышала. Судя по всему, толпа уже

хорошенько разогрелась и алчно желала еще более мощного звука и зажигательных ритмов, поэтому охотно принимала новую песню.

– Сейчас мы разогреем «Чистилище» и превратим его в настоящий ад! – в голос закричал солист, переводя дыхание после песни, короткой, но импульсивной. – Да будет пекло! Да!

Толпа, видимо, захотела попасть в столь неприглядное местечко, поэтому тут же подержала музыкантов яркими криками. Странноватые личности. Но веселые.

Орел задумчиво следил за происходящим сверху, на время мутировав в нетопыря, на их манер повиснув головой вниз и уцепившись лапами за осветительную арматуру где-то под куполообразным потолком. Головастики висели рядышком, на прищепках.

– Ты любишь такую музыку? Тебе нравится? – вновь услышала я громкий голос моего проводника, покачивающего головой в быстрый, рваный такт звуков. Я едва расслышала его, но кивнула. Пока что здесь прикольно! Шумно, необычно, но здорово. Я была на выступлениях некоторых групп и на паре открытых рок-концертов, проводимых каждый год в нашем городе, и мне всегда нравилась атмосфера свободы и энергичности, витающая над головами музыкантов и зрителей, несмотря на обилие пьяных рож, мусора и энного количества полицейских вокруг.

– Если тебе не нравится – мы уйдем! – Дэн кричал изо всех сил, но я опять с трудом его услышала, и сама закричала что есть силы:

– Тут здорово!

Он улыбнулся мне и, умело пробивая дорогу собственным телом, поволок меня за собой дальше, ближе к сцене.

– Наша старая песня! – объявил певец со сцены, одновременно глотая из пластиковой бутылки воду. – «Они боятся анархии!». Сделаем чуть-чуть жарче!

– Да-а-а! – поддержали его тут же. Мне тоже моментально захотелось анархии. Звуки били по телу, заставляя его двигаться, быть на одной волне с остальными.

И здесь было действительно жарко. В прямом и в переносном смысле.

А музыка складывалась не только из голоса-вопля солиста и аккомпанирующих ему звуков традиционных для этого жанра инструментов.

Она чудесным образом включала в себя не только четко проступающую игру баса, жизнерадостный стук ударных, запальчивой вокал, с трудом разбираемые слова, что-то вроде: «Все знают, кто наша мать – нам не нужно напоминать, а мачеха всех нас – политика, мы – быдло, но вот наша критика!» Не только весь этот грохот, шум, гам, выкрики, стук. Самое главное, в эту музыку входили и эмоции: восторг, радость, хорошее настроение, ликование и желание стать чем-то вроде единого целого с окружающими. Те, кто был в зале, и те, кто был на сцене, – все были очарованы музыкой со множеством ее компонентов.

Не скажу, что группа была прекрасна и хороша настолько, что все вокруг были в экстазе от ее произведений, но сама атмосфера сэта основательно срывала у народа крышу, заставляя веселиться, дергаться в такт музыке, танцевать, если все эти хаотичные телодвижения можно принять за танец, конечно. Минут через десять даже я, раскрепостившись вслед за Смерчем, была в полном восторге. Меня словно вырвало из реальности неведомыми щупальцами музыки и унесло далеко-далеко, в то место, где все цвета соединялись в единый, а музыка прочно окутывала оптимизмом и безбашенностью. Там не нужно было думать о чем-то насущном, следовать глупым законам, контролировать улыбки и смех, то и дело появляющиеся на лице, модно и грациозно танцевать – так, как этого требует современное общество. Там можно было действительно расслабляться – и все это делали, дурачились и прыгали, толкая друг друга. Я не замечала времени и его хода, просто веселилась, забыв о неприятностях!

Кое-кто устроил «стейдждайвинг» – забрался без особенных препятствий на сцену к «музицирующим» парням и, умудрившись поздороваться за руку с солистом, сиганул со сцены вперед лицом прямо в толпу. Его немедленно подхватили кучи рук, не давая упасть, и даже покачали в воздухе, чтобы потом опустить вниз – со стороны казалось, что толпа радостно поглотила смельчака в себя. Вот, вот что такое концерт неформальной музыки – разношерстная толпа может стать единым живым организмом, объединенным лишь звучанием! Красота!

– Я тоже так хочу! – проорала я радостно Смерчу, который, как и я, «освобождался» от негативных эмоций посредством отрыва на концерте друга. Ведь похож иногда на пай-мальчика, а здесь отрывается, как обезьяна, впрочем, довольно веселая. Ну, не то чтобы как обезьяна в прямом смысле этого слова, просто он так классно и ритмично руками махал, что за ним добрая половина повторять стала!

– Хочешь?

– Очень! – прокричала я.

– Правда? – он своими словами буквально дарил мне надежду.

– Правда!

– Ни за что! – ответил он мне тут же, положил руку на плечо, дабы я не попыталась полезть вперед. А потом, к сожалению, песня закончилась, а вместе с ней и выступление друзей Дэна.

– Я за тебя перед твоим отцом отвечаю! Пойдем к ним, – тут же решил парень и, не отпуская плеча, повел, ориентируясь непонятно как. В это время собравшиеся ценители панка под звуки ска-музыки начали прыгать по кругу, хватая друг друга за одежду. Моя вольная душа тут же захотела туда, но хватка Смерча, в последний момент схватившего меня, как щенка, за шкуру, была ну очень сильной.

Мы стали пробираться к гримерной, но не добрались туда, встретив двух музыкантов, неэстетично мокрых, усталых, но довольных. Встреча судьбоносно произошла около угловой барной стойки, мрачно разрисованной все теми же унылыми лицами и постными рожами и расположенной в самом углу помещения, в некотором отдалении от танцпола, превратившегося сейчас в площадку для «отрыва». Между ними находилась небольшая зона отдыха: разномастные круглые и прямоугольные столы из темного дерева, на каждом из которых стояли небольшие тусклые светильники в виде толстых свечей в золотистых подсвечниках, и приземистые стулья из точно такого же материала.

По центру стойки, освещенной сверху красноватыми зловещими огнями, было замысловато выведено фосфоресцирующей краской латинское слово *Peccatum*³, а сам бармен, стоявший за стойкой и с увлечением готовящий какой-то коктейль, был одет во что-то темное, широкое, с длинными рукавами и жутко напоминающее рясу священника, хотя на вид я не могла дать парню больше двадцати пяти лет. Да и не работают святые отцы в таких непотребных заведениях.

– Привет, мужик! – радостно поздоровался парень с челкой, узрев нас среди толпы, в этой части зала не такой плотной. Он все еще тяжело дышал после своих пробежек по сцене. Вот же дыхалка у него – и прыгал, и пел, и орал, а еще не выдохся. Кстати, и меня он своим вниманием не обделил. – Привет, девочка Дэнни!

– Привет, – откликнулась я.

– Ты клевая! – сообщил он мне тут же. – Мне по вкусу такие девочки, как ты!

– Такие, как ты, мне тоже по вкусу, – ответила я любезностью на любезность. Нет, а он действительно начинает мне нравиться все больше и больше!

– Бросишь его – я в твоём распоряжении! – заявил парень. Дэн рассмеялся.

³ *Peccatum* – в переводе с латинского – грех.

– Эй, ревнуй, – шутливо стукнул его кулаком в грудь обладатель челки.

– Уже ревную, – отозвался Дэн. – Чип, не смей с ним общаться, он антисоциальный тип.

– Я клевый, – не был согласен с таким определением его приятель. И без перехода он заговорил на другую тему: – Я знал, что ты придешь, Дэн! Мы устроили крутое шоу! Славно оторвались! А этот, – взглянул он на второго музыканта, молчаливого, – говорил, что тебя сцапали менты. Какой урод их вызвал? Я спрашиваю, какой? Какой?

Ему никто не ответил, а парень продолжал, одновременно здороваясь с мимо проходящими панками:

– Но это был адреналин, да? Да, точно, – сам себе ответил он. – Тебе понравился «сюрприз»? Мы охрененно готовились! Только скажи «нет», и я тебе врежу!

Мы с Дэном переглянулись под болтовню черноволосого. Он долго распространялся насчет того, как они все подготавливали и старались, кто и что придумывал и какое участие принимал.

– А Черри и этот тормоз, Ланде, нас отговаривали, – поведал он нам с легкой обидой. – Никогда не видел, чтобы они в паре работали, ребята же друг друга не переваривают, а вчера и сегодня прямо спелись! Мы боялись, они нас тебе сдадут, отмороженные. Но чего-то притихли сегодня.

– Очень странно, – осторожно произнес Смерч.

– А где, кстати, Черри, знаешь? – спросил солист.

– А его нет? – изумился Денис. – Подозрительно, он ни одного панк-сэта не пропускает.

– Как видишь! Нет! Он к нам всегда после концертов приходит, мы бухаем вместе, – отозвался парень с челкой, имя которого мне было не суждено узнать. – Пропал чувак. Увидишь – скажи, что вломлю ему при встрече.

– Договорились!

Мы с Дэном переглянулись вновь, усаживаясь за барную стойку с музыкантами, один из которых тараторил, а другой молчал, на высоченные жесткие, но тем не менее удобные табуреты. Челка пожал бармену руку и вновь переключился на разговор о своем великолепном творчестве.

– Весь персонал поменялся, что ли? – сам у себя тихо спросил Смерч.

– Тебя точно на нашем концерте торкнуло? – вновь перевел тему брюнет, оглядывая стойку. – Все норм прошло? Отлично? Драйв ощущался?

Смерч тут же начал его хвалить, впрочем, не опускаясь до обыкновенной лести, а находя действительные плюсы в игре парней. Мол, да, все было драйвово и круто, концерт прошел на «ура», народ «расшевелился», и звук в этот раз был хорошим, не хрипел. Я слушала и понимала: я бы так расхвалить не смогла. Может быть, умение Дэна находить плюсы во всем, а потом передавать их другим, есть еще одно ценное качество синеглазого «демона», как я его окрестила. Причем делает он это непринужденно, мягко и подмечает весьма точные детали. Кстати говоря, искренне хвалить другого не всякий сможет – думаю, все дело в зависти. Если испытываешь зависть, пусть даже твои слова будут красивыми, как павлиний хвост, но настоящей искренности, той, которая окрыляет, человек не почувствует и не проникнется на все сто процентов. Странно, можно считать искренность одним из составляющих манипулирования. Черная Челка проникся и теперь едва ли не чувство всепоглощающей братской любви испытывает к моему мнимому парню.

Расслабившись после «отрыва», я думала, молча рассматривая окружающую меня обстановку и людей. Настроение оставалось таким же отличным – наверное, виновата была все та же живая музыкальная энергетика. Второй музыкант ни с кем не разговаривал, а только тянул заказанный ядовито-желтый коктейль. Вокруг сновали люди, кто-то что-то кричал, ржал и издавал воистину звериные крики.

– Я пить хочу, – сказала я Дэну, чувствуя себя в этом месте почти счастливой. – Сок хочу или колу.

– Заказывай что нравится, Чип. – Протянул мне свою бесценную золотую карточку для ВИП-персон парень. Как он с ней небрежно обращается.

– А ты будешь что-нибудь? – спросила я, одновременно пытаюсь понять, что поет следующая группа. Вроде бы исполняют задорное ска, но предыдущий коллектив – друзья Дэна – отыграли лучше.

– Закажи то же, что и себе, только ничего яблочного. Алкоголь я тебе запрещаю – если увижу, ты сразу попадешь домой, – тоном строгого папочки – парни даже присвистнули! – отозвался синеглазый брюнет, спрыгнув со своего места, – сейчас приду, с ребятами поздравляюсь.

Я кивнула и уставилась на стойку, изучая, что бы такого классного заказать. Может, сразу много всего, раз у Дэна в карточке «все включено»?

– Могу посоветовать, малышка, – тут же заметил мою нерешительность в выборе солист. Его голос сразу меня насторожил.

– Давай советуй, – разрешила я. Парень близко пододвинулся ко мне и негромко заговорил – я едва слышала его.

– Есть классный коктейль, называется «Дымка холодного чая» – рецепт почти оригинальный здешних умельцев, – он кивнул на невозмутимого в своей рясе бармена.

– Что это за коктейль? – тут же заинтересовалась я.

– Новая местная фишка, – подмигнул мне черноволосый. – Стоит немало, продается не всем, но с тобой карточка Дэна и мой авторитет, так что можно заказать все, что угодно, идет?

– Идет, – тут же согласилась я, думаю, что Смерчу жалко не будет. – Так что за коктейль? Вкусный?

– Еще бы.

– Безалкогольный? – вспомнила я слова партнера о запрете на градусы.

– Естественно, – с глубоким чувством собственного достоинства отозвался музыкант, но я сразу поняла, что он лжет, в чем его тут же и обвинила. Он быстро оглянулся на Дэна – тот разговаривал с тремя парнями, и еще тише заговорил:

– Давай Дэна надует – напоим его?

– Зачем? – прищурилась я. – А он нас потом не надует?

– Не-а, он прикольный такой, когда пьяный, – заржал Челка, но сам испугался громкого смеха и замолчал, только его темные глаза лихо блестели. – Такие вещички делает офигенные. Над ним только ржать и ржать. Да, чувак? – ткнул он локтем молчаливого коллегу по группе. Тот кивнул.

– Это реально незабываемо! Тебе как его герле это надо видеть, – продолжал соблазнять меня молодой человек, и я решила – я мучилась весь день, пусть теперь и наш Сморок «оторвется» по полной программе!

– Ну, не знаю...

– Дэни хватит одного-двух стаканов, чтобы окосеть, – продолжал говорить парень заговорщицким тоном. – Он выпьет и будет лучшей душкой на свете.

– Ну... а как мы это сделаем? Он же не дурак, поймет, что пьет спиртное, – отозвалась я с сомнением.

– Я тебе как раз про новую фишку и толкую. Здесь есть прикольный коктейль на основе обычного Ice Tea, – принялся объяснять черноволосый, – ну это тот коктейль, куда входят ликер, джин, текила, водка и еще до фига всякой дряни. Зовется здесь он «Дымка холодного чая». Алкоголь в нем почти не ощущается. По вкусу «Дымка» как горьковатый холодный чай со льдом, пахнет немного колой. Не знаю, чего там добавляют, но реально это не похоже

на алкоголь. Заказываем? И тебе, и ему, типа, вы одинаковый безалкогольный коктейльчик пьете.

Что-то в моей голове помутилось.

– Заказываем, – я с улыбочкой, достойной Черного Властелина, задумавшего пакость против Светлых, посмотрела на спину ничего не подозревающего добродушного Дениски. Идея его напоить в тот момент казалась невероятно забавной.

– Друг, – позвал бармена в рясе музыкант, – на минуту.

Тот неспешно подошел и вопросительно поглядел на нас.

– «Дымки» есть? – тихонько осведомился парень.

– Есть, – кивнул, предварительно оглядевшись по сторонам, тот.

– Две «Дымки» сможешь сделать? – тут же выхватил у меня из рук карточку Челка.

– Смогу. Постоянным и проверенным клиентам – все что угодно, – усмехнулся бармен, – только рассчитываешься за них налом. «Дымки» идут мимо кассы. Сам знаешь... почему. Хозяин узнает – убьет.

– Они что, противозаконные? – с восторгом, смешанным с презрением и удивлением, поинтересовалась я. Ах, бунтарский дух часто витает вне закона.

– Немножко, – кивнул музыкант и отодвинул меня подальше.

– С наркотиками, что ли? – зашептала я, опомнившись. – Если так, я отказываюсь! Я против наркоты.

– Какая наркота? Ее в других местах покупают. Нет, там химия какая-то, – так же тихо отвечал парень со знанием дела, – чтобы на алкоголь не походило.

– Ты уверен? – уже сомневалась я в розыгрыше. Наркотики – это правда не круто.

– Уверен! Я сам против них, – отозвался Челка уверенно.

– Ну что, берешь? – вновь спросил хозяин стойки.

– Беру. Сколько?

– За одну – как обычно. Удвой эту сумму. И сдачи у меня нет.

– Дорогое удовольствие, ну да мне не жалко, – ухмыльнулся брюнет и спросил у молчаливого коллеги. – Круто я придумал?

Тот вновь лишь вяло кивнул.

А я с неподдельным интересом проследила за тем, как солист местной панк-группы незаметным движением отдал бармену вместе с пустым бокалом приятеля крупную купюру, свернутую в несколько раз. Тот жестом фокусника спрятал ее в складках одежды, благо-склонно кивнув.

– А, да, организуй три... нет, шесть «Мохито», классических, – сделал еще один заказ соучастник заговора против Смерча. – Рассчитай их по ВИП-карточке. Сотворишь?

– Сей момент, – кивнул парень и удалился куда-то.

– Куда тебе столько? – удивилась я.

– Не бойсь, крошка, если алкоголь есть, то он куда-нибудь да вольется. Не пропадет. А потом закажем что-нибудь еще. Брат, – обратился парень к лжесвященнику, уже вернувшемуся к нам. – Сначала сделай... первый заказ... и желательнее быстрее, а потом приступай к «Мохито», идет? Желание идиотов-клиентов, но ты уж будь добр, выполни?

– Без проблем, – ловко подбросив вверх бутылку с прозрачной жидкостью и так же ловко ее поймав, отвечал работник клуба. – Для музыкантов клуба и добрых товарищей – все что угодно. Заведение приветствует музыку, а я – твои заказы, – бармен тихо засмеялся, взмахнул широкими темными рукавами из грубоватой ткани и принялся ловко смешивать коктейли.

– Люблю общаться с приятными типами! Кстати, друг, – парень склонился к бармену и что-то ему тихо заговорил. Я расслышала только сквозь продолжающийся грохот музыки:

– ...и не продавай при нем ничего такого... не надо ему знать...

Бармен кивнул и внимательным взглядом, явно стараясь запомнить, обвел взглядом фигуру Дэна.

К тому замечательному моменту, когда Дэн подошел к нам, наговорившись со своими приятелями, мы втроем не глядели друг на друга и молчали (челочник вообще подальше от меня отсел и делал вид, что строит глазки длинноногой красавице во всем черном).

Вскоре я, попивавшая мелкими глотками этот самый коктейль с «химией», узнала, что, у нашего общего друга срывает крышу буквально сразу же после того, как некоторая доза алкоголя поступает в его организм, парень старается не пить, зная эту свою особенность, но... прецеденты бывают. При этом Смерчинский вовсе не похож на обычного пьяного – сначала он даже не шатается, может здраво размышлять и быстро думать, не проявляет агрессии, но несет жуткую околесицу – абсолютно нормальным тоном, а еще может совершать странные поступки: например, обнять незнакомого человека или смотреть на небо, утверждая, что видит фиолетовые облака. Длится это, правда, недолго.

Еще я посмотрела наконец, как люди пьют коктейль «Текла бум». Молчаливый музыкант решил заказать именно его: смесь текилы, лимонного сока и газировки, поданную почти тут же в невысоком прозрачном стакане, накрытом сверху салфеткой. Парень, получив желаемое, резко ударил стаканом по столу, напиток вспенился, и он тут же опрокинул его в себя. Мне, естественно, захотелось так же, но до прихода Смерча я не могла себе этого позволить.

Также заодно узнала и устройство клуба – оказывается, про «Чистилище» парни орали не зря – зал, в котором мы находились, назывался именно так, а два других соответственно имели названия «Рай» и «Ад». Все по знаменитой итальянской книге, не зря клуб назывался в честь Данте Алигьери, автора «Божественной комедии». Все здание было декорировано в стиле его бессмертного произведения, написанного в конце эпохи Средневековья и повествующего об устройстве загробной жизни, куда спускался его лирический герой: аде, чистилище и рае. К примеру, на потолке в этом зале было изображено само чистилище, каким его описывал писатель, – в виде острова-горы. Интерьер дизайнеры предпочли средневековый, простой, суровый и сдержанный, сделав ставку на объемность помещения и высокий сводчатый потолок, как в храмах романской эпохи.

Кстати, каждая дверь в холле имела название одного из залов и вела к определенному из них. А надпись на стойке переводилась как «грех» – об этом поведал все тот же бармен, добавив, что герою Данте ангел начертал это слово на лбу перед его входом в чистилище. В общем, время я провела не зря, узнала много нового, поболтала с интересными людьми, ткнула вкусный коктейль, действительно похожий на холодный чай с необыкновенным вкусом смеси шоколада и колы. Только после него во рту оставалось не слишком приятное, словно «химическое», послевкусие.

Только одно меня подвело. Собственная глупость. Да и не только моя.

– Вот твоя карта, друг мой, – протянула я подошедшему Смерчу черный прямоугольник. – А вот холодный чай. – И подхалимски заглянув в глаза, добавила, – вкусенький. Я себе такой же заказала.

– Спасибо, Бурундук, я как раз пить жутко хочу, горло пересохло, из-за ребят не успел попить, – благодарно кивнул он мне, схватил напиток, заботливо подсунутый мною, и быстро, залпом, выпил все содержимое высокого стакана, украшенного кусочком лайма. Я с кривой улыбкой посмотрела на него, но ничего не сказала – даже по поводу Бурундука, которого уже я возненавидела.

– Горьковатый, – поморщился парень, но ничего не сказал и не разозлился – он не почувствовал, что за напиток только что выдул! И ведь действительно, как я говорила, «Дымка» напоминала мне обычный чай, что можно купить в магазине, лишь чуть-чуть с необычным привкусом.

– Дай апельсиновый сок, – попросил он бармена, вновь протягивая ему свою карточку. – Я хочу это запить. Никаких больше холодных чаев.

Тот почти моментально исполнил заказ.

– Давненько я здесь не был – и бармены новые в «Чистилище». Что на меня ты так смотришь, Чип? – обратился Денис ко мне, поглаживая шею, на которой я опять увидела тату – ящерку. – Что-то не так?

– Ничего, – тут же отозвалась я. – Просто ты очень симпатичный.

– Спасибо, конечно, от тебя мне это слышать приятно, но дико. Хочешь, я поцелую тебя за такие слова? – тут же предложил он мне.

– Захлебнись, идиотина, – сложила я на груди руки. Ха, не зря я над тобой подшутила.

– Ну, поцелуй ее, – заныл Черная Челка. – Покажи экстра-класс. Не зря тебя девчонки хвалят, что ты в этом деле мастер. Слушай, говорят, тут на четвертом этаже классные комнаты. Вы там классно сможете... – После этого он добавил такое... неприличное, что я даже не смогла найти нужных слов, чтобы дать отпор нахалу, явно страдающему неумным любопытством и болезненной любовью к держанию свечек в чужих спальнях по ночам. Пока я, копируя выброшенную на берег рыбу, открывала рот, в дело вмешался Смерчинский.

– Друг, если ты еще раз заикнешься на такие темы, – серьезно произнес Дэн, прищурившись и тяжело положив на плечо парню руку, – мне придется поговорить с тобой. На улице, один на один.

Ой как мило... Дэнни драться не умеет, а такие предложения делает... Может, зря я его «опоила»?

– Мужик, рехнулся?

– вполне адекватен, – поднял на приятеля немигающий взгляд партнер.

– Да что я сказал? – возмутился челочник, – всего-то... – и он повторил пару крепких выражений, которые употребляют фактически все мужчины – когда дам рядышком нет.

«Мужик» отчеканил в ответ тоном, в котором явно слышалась скрытая угроза, да и взгляд его нельзя было назвать добрым:

– Я тебе сказал? Ты знаешь, два раза не повторяю.

Что-то в мимике, позе, голосе насторожило музыканта, и он как-то даже стушевался. Воистину, обаяние Дэна может иногда трансформироваться в удивительную угрожающую холодную силу, которую чувствую даже я. Какой же он все-таки необычный.

– Ты чего? – вытаращился на него удивленный музыкант. – Да я же любя... Черт, ты... – он потрясенно покачал головой, – ты серьезно в нее втрескался! Я и не думал! Я думал, это шутка, чтобы забыть, типа, прошлое... Мои искренние извинения, – вдруг поклонился он мне неожиданно элегантно. – Мария, Чип, или как ты пожелаешь, чтобы я тебя называл, не злись из-за моих шуток. Пардон за слова в записке и за все такое.

– Я их не видела, – сообщила я лениво.

– Классно! – обрадовался он тут же. – Смерч, давай без рамс и телег, окей? Дай пять? Отлично! Друзья, как и прежде! Наро-о-од, пьем за эту четкую парочку!

Вот так Сморчок убедил в своей «нереальной» любви ко мне и этого парня, а заодно и всю его группу, всего лишь вступившись за меня. Дэн это тоже понял и как-то горько засмеялся, а потом залпом выдул еще один коктейль – к нашему всеобщему восторгу.

Минут двадцать, а может быть, и больше – я не засекала точного времени – ничего с партнером не происходило: Сморчок в самом хорошем расположении духа, моментально к нему вернувшись, болтал с черноволосым, обращался ко мне, один раз даже в шутку приобнял, смеялся, заказал еще один стакан сока для себя, джин со льдом для ребят и молочный коктейль для меня. Я даже почувствовала пару уколов совести, между прочим. Но они быстро сменились недоверием к силе коктейля и раздражением от постоянных вспышек багряного и темно-синего цветов, освещающих помещение. Словно кто-то дергал за невиди-

мые рычаги, заставляя их метаться в хаотичном порядке по всему залу и светить в глаза, на мгновение ослепляя. Музыка стала еще более жесткой и агрессивней – на сцене появилась третья группа, в песнях которой явно слышались ноты индастриал-течения и психоделики. Вспышки, цветовые всполохи, резкие звуки, громкие голоса – в какие-то минуты мне казалось, что все это вводит меня в транс, предлагающий раствориться во всеобщем веселье. И я с трудом не дала себе упасть в объятия этого транс цвета неона и ультрамарина.

Дэн тоже оставался нормальным, и я даже думала, что с ним ничего не произойдет и что он останется таким же веселым и трезвомыслящим. Но я рано опечалилась.

И только тогда, когда он вдруг медленно-медленно повернулся ко мне, поставив локти на стойку, сцепив руки замком и положив на них подбородок, я поняла, что его чужой, немигающий остекленевший взгляд мне не очень нравится. А когда Дэн мелодичным голосом кое-что спросил у меня, я поняла, что его все-таки понесло всего от одного коктейля, впрочем, довольно сильного, по словам черноволосого.

– Ты такая красивая, что мне хочется тебя съесть. Ты безгранично красивая. Как богиня моря, – зачарованно произнес мой напарник.

Черноволосый издевательски захохотал, захлопав ладонью по стойке, второй музыкант довольно заулыбался, и даже бармен, просекший, в чем дело, позволил себе ухмылочку.

– Ты что, Смерчинский? С дуба рухнул? Повредил головушку? – широко открыла я глаза. У меня от коктейля всего-навсего чуть-чуть закружилась голова, и стало немного веселее, а его... прямо-таки как будто стукнуло по гипоталамусу! Поэтому мне пришлось с некоторой горечью, над которой все же брали вверх позитивные эмоции (надо же, реально удалось его спить, классно!) признать, что я поступила неправильно. – Ты конкретно приложился, когда падал, приятель.

Его мои слова совершенно не впечатлили. Дэн протянул руку к моим губам, коснулся их большим пальцем и произнес вроде бы тихо, но четко и внятно, на удивление, абсолютно трезвым голосом:

– Ты выйдешь за меня?

Орел рухнул вниз, лишь у самой земли расправив крылья и сделав крутую петлю, вновь взлетел вверх.

– Что? Что сделаю? – от неожиданности ударила я его по руке, хотя, конечно, этот его жест был весьма приятственен – такой нежностью, нечеловеческой, можно сказать, он был наполнен. Не демонической, а ангельской нежностью, которой не было места в чистилище. Я невольно слотнула, на миг пожалев, – всего лишь на миг, что Смерч сейчас не в себе. Разве стал бы он говорить такое, если бы чувствовал себя в порядке? Естественно, нет. Но теперь, когда он находится под властью дурашливого и свирепого духа алкоголя, может и не такое сказать. И даже сделать.

– Выйди за меня, морская богиня, – повторил Дэн, ничуть не обидевшись и на этот раз. Я замахала руками, чувствуя, как уголки моих губ дергаются вверх – им хотелось растянуться в сардонической усмешечке.

– Ты с какого деревца приземлился, малыш? Не с Мирового ли?

– Нет, – серьезно отвечал парень.

– Да-а-а?

– Ты дорога мне, – стоял на своем чокнутый.

– С чего это вдруг? – фыркнула я, стараясь не рассмеяться ему в лицо. Нет, вы посмотрите, что со взрослым здоровым парнем делается!

– Я буду любить тебя всю жизнь, – серьезно отвечал он. – Я буду с тобой каждый день своей жизни, и ты никогда не пожалеешь, что приняла мое предложение.

Смех рядом сидящих музыкантов, с восторгом внимающих словам Дэнва, усилился раза в два. У меня губы опять расплылись в предательской улыбке. Забавная ситуация! Еще

неделю назад я и не думала, что сам Денис Смерч, гордость университета, будет меня замуж звать! Вот же он хохмач!

– Ой, капец, – ржал Челка, в то время как партнер, пребывающий не в себе, не сводил с меня глаз. – Я же тебе говорил, подружка, он сейчас такие корки мочить будет!

– Будьте тише, – поморщился Дэн, глядя на друга и называя его на «вы», словно не узнавая. – Вы мешаєте мне и моей невесте.

– С какого перепугу она уже твоя невеста? – подавился от передозировки смеха Челка. – Эй, Пашка, доставай мобилку, надо Дэнни на камеру снять, – обратился он к другу, который живо исполнил эту просьбу. – Увековечим на долгую память!

– Когда я вижу тебя, – продолжал молодой человек, – мое сердце меня предает.

Его друзья, снимающие «признание» на камеру, подавились хохотом. Некоторые сидящие рядом личности заинтересовались причиной их безудержного веселья и тоже уставились на нас.

– Предает? – заинтересовалась я. – Это как? Другого хозяина ищет, поспокойнее?

– Оно начинает громко стучаться. Тук-тук-тук-тук-тук: быстро-быстро. Часто-часто, – пояснил теплым и обволакивающим в то же время голосом Смерчинский. Такое чувство, что он репетирует признание перед Троллем Князевой. А мне... мне это нравится!

– Оно боится, – трагическим тоном плохого актера прошептал парень, прижав ладонь отчего-то к правой стороне груди.

– Чего твое сердце боится? – озадачилась я. – И говори тише, и не так выразительно, а то на нас люди смотрят.

– Тебя, морская богиня. – Не собирался сбавлять тон мой безумный Смерч.

– Я что, такая страшная? – мигом разозлилась я, услышав такой комплимент.

– Ты красивая, я же сказал – ты красивая. Красивая, красивая, красивая, и я много раз могу сказать тебе это, – спокойно ответил Дэн. – Я боюсь тебя, потому что мне страшно: вдруг ты меня не примешь? Вдруг останешься равнодушной? Вдруг ты вновь меня бросишь?

– Я тебя еще не бросала, – захихикала я польщенно и даже кокетливо плечом повела.

– Дай мне свою руку, Морская, – попросил он неожиданно.

– Зачем это? – подозрительно посмотрела я на Дэна.

– Откусит, – вставил Челка, но удостоился уже от нас двоих неодобрительных взглядов. Как классно, что я напоила Смерча, – он действительно превратился в очаровашку! Вдруг он мне сейчас по ладошке гадать начнет?

– Я хочу держать тебя за руку всегда, – страстным шепотом безумного влюбленного поведал он мне.

– А я не хочу, – захихикала я. – Вдруг она у тебя немытая?

– Милая... девочка моя... только не уходи.

– Какие сюси-пуси, какие нежности, – закудахтал черноволосый тут же. – Он сейчас тебе ноги оближет!

– Хватит встравать, милейший, – строго посмотрел на него Дэн, заставив друга согнуться пополам от нового приступа смеха. Мало людям для счастья надо – поиздевался над другом. Но это так прикольно! Я и не думала, что партнер станет таким... веселым!

– Что, Смерчинский, думаешь, раз пьяный, то тебе все можно? – отозвалась я, отодвигаясь от него.

– Я не пьяный, – живо отозвался он, наклоняясь ко мне. Взгляд его оставался все таким же стеклянным и был далек от нормального.

– Малышка, – произнес он, – дай руку.

– Да зачем?

– Пожалуйста, – и как устоять против таких просящих глаз бедной девушке?

– Я тебя не понимаю. Зачем тебе моя рука? Она пока ничего плохого не сделала тебе.

– Дай свою руку.

– Ну, возьми, заканал уже, – протянула я щедро одну из верхних конечностей.

Он крепко взял мою ладонь в свою, поднес к своим губам, невероятно горячим, едва коснувшись ими тыльной стороны моего запястья.

– Люблю тебя.

Его друзья издевательски захлопали в ладони, а бармен едва ли не захлебнулся в своих усмешках.

Но Дэну этого показалось мало. Парень встал со своего места, почти не шатаясь, обошел меня сзади, наклонился и обнял, положив голову мне на плечо.

– Морская моя девочка... теплая – как песок на пляже, и ласковая, как южные воды, – прошептал он мне на ухо.

– Сядь на место, – попробовала я оттолкнуть его. Орел, летающий где-то под потолком, застеснялся.

– Не сядет и, пока не согласишься, не успокоится, – вынес суровый вердикт черноволосый музыкант. Как у него еще от улыбочек харя не треснула?

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой, – громко и выразительно произнес Смерч, став передо мной на одно колено, тем самым подтверждая слова приятеля.

– Вашу мать, такого он еще не делал! – проорал жутко довольный музыкант. – Пашка, ты это снимаешь? Снимай! Он ей предложение делает!

Я не видела, но, как оказалось, на этот вопль обернулись все вблизи сидящие люди, среди которых были и хорошие знакомые Дэна, с которыми он недавно беседовал, и остальные «коллеги» Челки по группе, которые по ведомым им одним причинам сидели за нарочито грубо сколоченным большим столиком в отдалении от барной стойки. Представляете, как они заинтересовались происходящим? Да-да, с тем самым нездоровым любопытством душевнобольных кумушек все эти ребята, а также сидящие с ними девушки устали в нашу сторону, а кое-кто поступил так же, как Пашка, – принялся снимать на камеру происходящее. Дэн не видел этого, но словно чувствовал – он продолжал свою пьяную любовную вакханалию. Думаю, мальчик фотогеничен...

– Я буду любить тебя, буду верным мужем – я не буду таким, каким являюсь сейчас. Я чту традиции семьи и то, какие обязанности будут на меня возложены, когда мы с тобой будем называться теми, кто до самой старости будет поддерживать друг друга в горе и в радости.

– Сделайте что-нибудь, – жалобно попросила я его дружков. Веселье спало, оставив место озабоченности. Мысли в голове метались, не зная, какие плакаты и растяжки выставить в ирреальном пространстве моего разума.

– А чего мы сделаем? Он же невменяемый. Наш малыш совсем не умеет пить. Приколно, да, он себя ведет? – подмигнул мне тот, кто все это затеял. – Эй, Дэнни, не стой так, на одном колене! Стой на двух! Она тогда точняк согласится, – и мерзко заржал.

– Эй, останови его, идиот! – подняла я полный бессильной злости взгляд на веселящихся парней. – Останови!

Тот только руками развел и помахал с развеселым удалым видом дружкам за столиком, мол, смотрите, как тут весело!

– У меня нет кольца, прости, Морская королева, но здесь, – коснулся глупый Смерч своей груди вновь, только уже с левой стороны, – здесь есть искренняя любовь. – Прими ее и стань моей. Я сделаю для тебя все, что смогу, и что не смогу – тоже. Я даже сердце переплаваю, если ты мне это прикажешь.

Я покраснела. Эти слова, произнесенные серьезно, чуть срывающимся от волнения голосом, ожидает услышать почти любая девушка. Я слышу, только от кого? От пьяного Дениса Смерчинского, любимца всего университета, который, во-первых, меня не любит,

а во-вторых, себя не контролирует. Вот это иллюзию подсовывает мне жизнь! Настоящее издевательство с ее стороны.

– Ты выйдешь за меня? – вновь громко произнес парень. И только сейчас я, к своему ужасу и даже смущению, заметила, что в зале смолкла музыка, люди стали меньше орать, зато уставились в нашу сторону: кто с интересом, кто с удивлением, но почти все – с умилением. А так как большинство здесь все же составляли мужчины, то еще и с солидарностью – к Дэну, продолжающему неотрывно смотреть на меня бездонными синими глазами. Раньше я думала, что бездонные – это всего лишь синоним, и не больше, а теперь поняла, что такие глаза действительно существуют... Чтоб ни дна, ни покрывалки!

– Мария, я прошу тебя вновь: стань моей супругой!

– Эй, Мария, не издевайся над парнем! – раздался вдруг голос бугая с ирокезом. – Прими уже предложение!

– Видишь, парень старается! – поддержал его еще какой-то умник.

– Чувак, мы в тебя верим! Ты ее точно уломаешь!

– Эй, девчонка! – решил кто-то наставить меня на путь истинный. – Эй! Подумаешь, кольца нет! Зато сердце есть!

– И чувства! Соглашайся!

– Соглашайся!

– Ма-ша, согласись! Ма-ша, не ломайся! – подхватил нестройный и нетрезвый хор желающих развлечься на халяву, а затем он усилился дружками Смерча. Их вопли расслышала группа, находящаяся сейчас на сцене, и один из музыкантов, не растерявшись, проорал в микрофон:

– Сегодня в «Чистилище» действительно жарко – сегодня тут делают предложение! Девушка, соглашайтесь! Он вас любит!

– Люблю! – громко прокричал Смерчинский, заставив меня вздрогнуть. – Я люблю тебя!

– Пашка, снимай Лаки, правее снимай! Нет, мне отдай камеру, косорукий черт!

– Ма-ша, не ло-май-ся! Ма-ша!

Солист группы на сцене, импровизируя на ходу, менял слова в песне:

– Она не хотела меня. Вот отстой!

А я эту детку люблю!

А может, у Маши есть кто-то другой?

Тогда его просто убью!

Народ заржал.

На меня никто и никогда не вываливал ведро холодной воды – даже на праздник Ивана Купалы я умудрялась избегать этой счастливой участи, но сейчас почувствовала себя именно «облитой» – хорошо еще, что не помоями, а чистой, прохладной, родниковой водой.

На какой хрен, извините меня, я с ним связалась?

«Сама виновата, сама дура!» – заявили мне мысли. Плакат у них теперь был огромный, а буквы большие и жирные.

– Так ты согласна? – с надеждой заглянул мне в глаза Дэн. На его губах играла бестолковая улыбка. Интересно, он завтра это вспомнит? И встанет ли на колени, чтобы извиниться?

– Соглашайся и сваливаем, – сказал черноволосый музыкант, которому такое внимание тоже перестало нравиться. Наверное, подумал, что с ними сделает Дэн завтра, когда проспится.

– Да-да-да-да, – скороговоркой согласилась я, делая страшные глаза Челке. Тот только пожал плечами – типа, я не виноват, ты заварила все это.

Дэн тут же меня обнял, прижав к себе, – я впервые в жизни ощутила себя не просто девушкой, а сокровищем – так бережно со мной еще никто не обращался. Я положила руку ему на грудь и действительно почувствовала стук его сердца, и меня это поразило до глубины души. На миг я даже поверила, что все, что сейчас происходит, – настоящее, действительное, и это обязательно со мной случится. А когда он осторожно поцеловал меня в лоб, я растаяла. Из глаз на мгновение появились брызги неона. Я крепко обняла его в ответ, и, кажется, у меня забегали глаза. Это странное, непонятное мне чувство – ощущать чужое тепло своей кожей!

Нам зааплодировали и поддержали криками – а те самые дядьки-рокеры умилились больше всех: они хором просвистели отрывок из всем известного свадебного марша. Я взбесилась – внутри меня всю просто колотило. Вот только что я отрывалась на танцполе, освобождаясь от негатива, который испытала сегодня, так вновь попала в похожую глупую ситуацию. Что не так с моей кармой?

Музыканты мигом объявили, что следующую песню посвящают нам, и тут же принялись рычать гроулингом. Гости клуба мигом начали отрываться под песню.

– Хватит растекаться в его объятиях, – начал давать Челка ценные указания, – знаешь, скольких девчонок он перелапал. Мы уходим.

– Куда? – мигом все нежные чувства спрятались в скорлупу.

– Наверх. Все, пошли! – заговорил Челка, когда страсти поутихли. – Здесь мы уже опозорились, а там – нет. Сегодня Дэн дает жару! В последний раз такое было, когда он одного мента на улице «Жар-птицей» обозвал и решил на память у него перо из хвоста выдрать. Вот же приколист ты, дружище.

– Я вас не знаю, – отозвался тот, не отпуская моей руки. – Оставьте меня в покое наедине с невестой. И проводите в наши покои.

– Сейчас провожу, – заржал парень, умудряясь махать рукой глазевшим на нас, – весь свой лайф помнить будешь.

И мы, буксируя за собой упирающегося Дэна, пошли на второй уровень «Чистилища» – поднялись по винтовой лестнице наверх, в небольшое кафе, из которого открывался вид на всю площадку, – казалось, она вся была забита людьми. Здесь людей было мало и царил относительная тишина и спокойствие.

Парни вдвоем усадили Смерча, начавшего теперь шататься, на свободное место и буквально влили в него третий коктейль, теперь уже «Мохито», штуку не сильно слабую, со словами: «На, выпей, успокойся!» Я тоже благодаря усилиям все того же весельчака с черной челкой приняла на грудь еще пару модных коктейлей, вновь заказанных по карточке невменяемого Смерча. Правда, на меня они действовали весьма слабо – к алкоголю, не в пример Дэну, я была довольно устойчива. Хотя, конечно, определенный эффект был: мир казался лучше, жизнь – веселее, цвета – ярче, звуки – круче, а предложение Смерча – приятнее. Ох мой маленький Денисочка, шутник, однако!..

Новая доза возымела некоторый эффект. Дэн, проглотив коктейль, пару минут посидел смирно, прикрыв глаза с длиннющими ресницами, словно прислушиваясь сам к себе, а потом резко распахнул их и звонко рассмеялся.

– Вы уверены, что здесь наркотиков не добавляют в напитки? – поинтересовалась я с подозрением у парней. Они отрицательно, но неуверенно покачали головами, а Челка добавил:

– С тобой же все в порядке.

– Ну, почти. Голова только кружится и ржать охота, – отозвалась я и, не выдержав, громко засмеялась – на пару с Дэном. У нас получился прекрасный тандем.

Про свадьбу, к некоторому моему сожалению, Смерч больше не вспоминал. Теперь у него была другая фишка: он то сидел с закрытыми глазами, то открывал их и начинал ржать – заразительно и громко. Его друзья вновь принялись подтрунивать над ним, а потом Челка, которого я уже вслух называла именно так, умудрился за минуту познакомиться с какой-то девушкой в очень-очень короткой мини-юбке и, не стесняясь, обнимал ее, что-то нашептывая на ушко. Его молчаливый друг, который так и не проронил ни слова, обнимался с коктейлями – он глушил их с неземной скоростью, только и успевая бегать к барной стойке с карточкой Дэнва.

В общем, сидели мы продуктивно, всем было весело, уютно, несмотря на то что кафе пугало разрисованными стенами, на которых были изображены страшные чудовища и оскаленные рожи, принадлежащие непонятно каким монстрам. Сейчас мне хотелось с ними познакомиться.

– Какой ты милый, – после пары глотков невкусного энергетического (и естественно, алкогольного) коктейля, заявила я Денису, вновь засмеявшемуся, – он откинулся на спинку стула и непонятно над чем ржал как чокнутый.

– Милый? – заткнулся он и посмотрел на меня с улыбкой – вновь появились ямочки на щеках. Такие притягательные...

– Можно? – указала я пальцем на его правую щеку.

– Можно, – согласился он, но не думаю, что понял мою просьбу. Просто он был добр и все разрешал. Я обрадовалась, наклонилась к нему и осторожно коснулась обоими указательными пальцами этих самых ямочек.

– Ути-пути, какой ты милаха, Дэн.

– Я знаю, – тоном мальчишки, балдея от моих слов, произнес он. У меня в сердце мигом поселилась нежность к этому трогательному существу – нетрезвый Дэнв вызывал у меня те же чувства, что раньше вызывали маленькие пушистые котята или беспомощные щенки.

– У тебя такая кожа классная, – потискала я его с удовольствием за щеки. – Ух ты!

– Правда? – с восторгом посмотрел он на меня и коснулся моего носа, подло выдав: – А у тебя такой нос длинный.

– Ну, ты и козел! – обиделась я. Его дружки уже вместе с девушкой начали вновь ржать. – У меня нормальный нос!

– Длинный.

– Короткий.

– Длинный.

– Короткий, я сказала.

– Длинный. Как морковка, – стоял на своем парень и еще раз умудрился подергать меня за нос, нормальный, между прочим, и вовсе не длинный!

– Это у Князя хобот, – мстительно сказала я.

– Кто это? – удивился Смерч, явно подзабыв свою драгоценную любовь. – Кто такой Князь?

– Началось... Это он, – указала я на молчаливого парня, которого это заявление ничуть не растрогало, – по-моему, он пребывал в глубокой нирване. – И вовсе у тебя не нежная кожа. Ты страшный и противный тип, Смерчинский.

– Дура-дурочка-дуреха...

– Боже! Ненормальный.

Но Дэн этого не слышал – он вновь закрыл глаза. Когда открыл – минут через пятнадцать, – вновь потряс меня своим скудоумием, которое приносило ему алкогольное опьянение.

– Смотри, – вдруг произнес он, напугав меня – Смотри!

– Что? – устало поинтересовалась я, сто раз пожалев, что решила ввязаться в авантюру. Зачем мне это нужно было? Ума палата.

– Там моя сестра! – произнес Дэн, глядя на соседний столик, где в одиночестве сидела симпатичная рыжеволосая девушка. – Моя сестра. Сестра.

– Сестра? – удивилась я, тут же подумав, что ей, родственнице, можно будет сдать с рук на руки нетрезвого Смерча и свалить домой, вызвав такси.

– Какая еще сестра? – повернулся к нам Челка, оторвавшись от своей длинноволосой и длинноногой красавицы, – последние пять минут они целовались, я пыталась не смотреть на них, – у него нет никакой сестры.

– Есть. Потерянная в детстве, – на глазах Дэна, к моему удивлению, да и не только к моему, показались большие слезы – как у обиженного ребенка. – Она пропала в детстве.

– Пропала? В детстве? Вот мужика глючит. Пашка, ты видишь, что он несет? Теперь у него сестра! – и парни опять зашлись в дружном смехе. – А помнишь, в прошлый раз он брата выдумал?

– Это моя потерянная сестренка, – совсем рехнулся Смерч и вдруг, резко встав из-за столика и едва не перевернув свой стул, направился к рыжей, решительно и быстро.

– Сейчас он ей вкуривать начнет про родство, – с огромным интересом наблюдал за действиями приятеля Челка.

– Что с вашим другом? – удивилась его девушка. – Он наркоман, что ли?

– Сама ты наркоман, красотка, – обиделся за Смерчинского Челка, – он просто пьян. Чуть-чуть.

– Что вам? – с интересом посмотрела на него, молодого и симпатичного, выглядевшего более-менее адекватно парня.

– Сестренка, – сглотнув, произнес Дэн дрожащим голосом. – Сестренка!

В порыве чувств он обнял девушку. Та остолбенела, но попыток его оттолкнуть не сделала.

– Вы что? – спросила она тихо, на что услышала радостное:

– Сестренка!

– Кто-кто? – испугалась рыжеволосая. Братика она себе явно не желала.

– Ты моя сестренка. Я тебя люблю, – отвечал наш невменяемый Смерч.

– Эй-эй-эй! – Челка и его молчаливый Пашка попытались оттащить от перепуганной девушки Дэна. – Отпусти ее! Она тебе не сестренка!

– А кто мне сестренка? Где моя сестренка? Куда она пропала? – как маленький, заныл парень. Как же он меня достал, урод нечесаный!

– У тебя сестренки нет, у тебя только жена, – с большой охотой пояснил музыкант с черными волосами. – Вон она сидит, – и он ткнул на меня пальцем. Я вспыхнула.

– Я еще маленький, чтобы жениться, – по-детски заявил Дэн, которого с большим трудом вернули на место. Там он затих, задумчиво повертев в руках пустой бокал из-под пива, положил его в себе на колени и вновь закрыл мутные глаза. Чтобы через еще минут пятнадцать их открыть. Как же он начал меня бесить – уму непостижимо! И ведь не уедешь домой – на такси денег-то у меня нет с собой. А ночами наши таксисты дерут просто непостижимые цены.

Ну зачем, зачем я захотела его напоить? Это что, божья кара?

«О-ля-ля», – нестройно доложили мне мысли, которые очень впечатлились коктейлями.

– Вы не знаете, когда Новый год? – поинтересовался Смерч у меня вежливым тоном – я даже вздрогнула.

– Откуда я знаю, – проворчала я. – Зачем он тебе?

– Я хочу подарки. Хочу, чтобы мне подарили вкусный торт, кем-нибудь испеченный дома. Сделанный своими руками.

– У тебя никогда не наступит Нового года, алкаш, – мстительно ответила я, за что получила нелесное прозвище Злыдня. Потом Дэн, которого я начинала тихо ненавидеть, опять впал в алкокому. И вновь через минут тридцать открыл глаза – чуть более осмысленные, чем раньше. Естественно, тут же принялся болтать свою излюбленную чушь.

– Мой дед! – вновь начал испытывать иллюзии по поводу родственных связей с посторонними людьми парень. – Привет, дед!

Он даже помахал кому-то, улыбнувшись.

– О Боже мой, Смерчинский, ты меня задрал, – простонала я. – Успокойся, а? Спи лучше.

– Там мой дедушка, – сообщил мне Денис.

– А бабушки там нет?

– Не-а, – легкомысленно отозвался парень.

– А еще родственников каких-нибудь не наблюдается, дорогой мой чокнутый?

– Нет, – с этими словами он мило и ободряюще улыбнулся мне, как будто бы это я несла чушь. Затем легким движением заправил мне прядь волос за ухо и вновь прокричал, громче прежнего:

– Дед!

– Слушай, нам отойти надо, – вдруг резко засобирился Челка, взглядываясь в ту же сторону, что и безмерно радостный Смерч. Молчаливый тоже поспешно встал с места.

– А? Как это? Вы меня что, с этим пьяницей оставите? – я возмутилась такому повороту событий.

– Мы скоро вернемся, – пообещал парень с самой приятной улыбкой, на которую только был способен.

– Но...

– Мы на минуту уйдем.

– Как...

Он перебил меня.

– Подружка Смерча, не тушуйся, все прекрасно и чудесно, главное, помни – если что, Дэн напился сам, нас тут не было, ты ни при чем. Идет?

– Не идет!

– Ни в коем случае не упоминай «Дымок», – напутствовал меня музыкант. – Обещаешь? Иначе...

– Иначе?

– Кирдык, – провел ребром ладони он по своему горлу.

– Стойте! – рассердилась я. – Вы куда? Стойте!

Но оба молодых человека – один подхватив под руку девушку, второй – сразу две банки пива и пару коктейлей, едва ли не мгновенно – как профессиональные фокусники – ретировались в сторону, а потом пропали в неизвестном направлении, бросив меня вместе с нетрезвым Смерчем на руках, которому теперь мерещился еще и неведомый дедушка.

– Вот блин, как я тебя ненавижу, – прошипела я сама себе под нос, видя, как мой партнер обращается с криками: «Дед, я здесь!» к очень импозантному серьезному мужчине лет сорока, облаченному в дорогой стильный черный костюм-тройку и шелковую белоснежную рубашку. За плечами мужчины высились два плечистых серьезных охранника и темноволосый худощавый субъект среднего роста в очках в тонкой золотистой оправе. Почему-то он напомнил мне, немного нетрезвой, самого Гарри Поттера. Только шрама у парня не хватало и двух разнополых друзей за плечами.

Меня отчего-то прошиб холодный пот – все эти люди смотрели на нас очень внимательно, особенно мужчина в тройке – даже голову набок склонил. Может быть, пьяных из

«Алигъери» выводят, и нас сейчас вышвырнут? Но нет, у Дэна вроде бы есть ВИП-карточка, точнее, сейчас она у меня в кармане, чтобы не потерялась, значит, он особенный клиент.

А может, они к нам из-за проклятых «Дымков» обратились? Недаром чертовы ублюдки-музыкантишки сбежали от нас! Вот свинство! Я бы тоже свалила отсюда, бросив ветерка, да не дошло до меня сразу, к тому же и оставлять его одного в таком дурном состоянии не дело. Нет, ну как мужика может «расплющить» от парочки каких-то чертовых коктейлей? Да у меня брат от бутылки водки может ничего не почувствовать! А тут...

– Привет, дед, – весело обратился к мужчине парень, и тон его был до ужаса фривольным – глупый Смерчик не чувствовал опасности, витающей над нами. Впрочем, мой орел тоже не спешил паниковать, лишь по-кошачьи царапал голову лапой, проявляя чудеса птичьей гибкости. – Давно не виделись, да? Ха-ха-ха!

Мне показалось, что мужчина поморщился.

– Даниил Юрьевич, что с ним делать? – заглядывая грозному мужчине в глаза, поинтересовался тип в очках. – Перепроводить?

– А что ты с ним сделаешь, Петр? – спросил глубоким звучным голосом мужчина. – Уже поздно.

Я тревожно глядела на «гостей». Дурачок Смерч лыбился, а потом в довершение всего криво улыбнулся хмурому «Гарри Поттеру» и сказал:

– Здорово, Петька.

Тот вздернул нос и отвернулся. Хм, нет, это не мальчик со шрамом – слишком модно, по-клубному, одет. И высокомерен слегка.

– Петька? – не отставал от него Смерч и вдруг опять чересчур громко засмеялся, одновременно вертя в руках пустую банку из-под пива. – О, мистер Петрушка! Пивас будешь?

– Мы не поощряем пьянство, – важно отозвался отечественный Гарри, увидев этот жест. – Алкоголь отнимает у нас жизни. А в вашем случае еще и разум, к-хм, да. У вас, почтенный, тяжелая ситуация.

– Брат, да ты злопамятный, – кинул в него банкой Дэн, и я, забормотав слова извинения Петру, схватила его за руки, чтобы Смерч больше в него не кидался. Руки у него оказались на удивление холодными, как будто бы он провел несколько часов на улице, под ветром и дождем.

У «брата» лицо скривилось от отвращения, он промолчал, но губы его беззвучно зашевелились, словно бы он произносил проклятия. Может, это Снейп реинкорнировался?

– Хозяин! – вдруг подбежала к этому мужику, с каменным лицом наблюдающему за всем этим безобразием, официантка, испуганно на него тарашась, – то есть Даниил Юрьевич, что-то случилось?

– Ничего, – отозвался тот. – Можете работать дальше. Я здесь мимоходом. По делам, – и снова мужчина нехорошо взглянул на улыбающегося Дэна, который отпихнул меня от себя. – Продолжайте вашу работу.

– Да, извините, – живо отозвалась девушка и умчалась.

Я с еще большим недоумением подняла голову на вновь прибывших. С одной стороны, из-за некоторого количества алкоголя мысли путались, но с другой... Хозяин? Хозяин чего? Неужели... этого заведения? Хозяин клуба? Что ему нужно от рядовых посетителей?

– Дедуль. Я по тебе соску... соскучился, – сладко зевнул Дэн. Нас сейчас точно отсюда вашей выпрут.

– Не называй меня так, – свел густые брови к переносице мужчина в дорогом костюме. – С ума сошел?

– Уважаемый, сейчас вы должны называть его Даниилом Юрьевичем, – тут же встрял Петр-Гарри, особенно выделив тоном первое местоимение, за что Дэн чуть вновь не кинул в него пустой банкой, – я едва успела вырвать ее из его рук.

– Идиот, – холодно процедил молодой человек.

– Извините, он немного пьян, – встряла я, решив, что нужно что-то предпринимать, пока не поздно, по-моему, если партнер запулит банкой в мужика в костюме, ему охрана точно руки отрежет. – Сильно. Поэтому несет чушь. Извините его!

– А кто вы, юная леди? – поинтересовался мужчина, усаживаясь перед нами и брезгливо глядя на все те стаканы и бутылки, оставленные двумя сбежавшими идиотами. Нет, не зря они ушли, почувствовали опасность и, как крысы, сбежали с тонущего корабля! Так, если что, ни о каком «Дымке» мы ничего знать не знаем.

– Я его... его девушка, – кивнула я на парня, продолжающего улыбаться.

– Вот как? – высоко поднял брови гипотетический хозяин этого заведения. – Ясно. Зачем же вы споили своего парня?

– Он сам себя... споил, – тихо ответила я, пытаюсь набраться храбрости говорить громче и чуть наглее, но у меня этого пока что не получалось. А со мной такое редко бывает! Честное слово, редко!

– Да-а-а? – протянул мужчина. – По поводу?

– У нас сегодня годовщина, – ничего умнее я придумать не смогла. Но пыталась – честно!

– Годовщина чего? – Тут же решил уточнить въедливый Даниил Юрьевич. А Петр встрял:

– Какая еще девушка? Она-то?

– Помолчи, друг мой чудесный, – вальяжным жестом заткнул его мужчина.

– Точнее, у нас юбилей, – тут же «поменяла показания» я. – Нашего общения. И... и чувств. Да, именно чувств.

«Пять дней – тоже юбилей!» – торжественно согласились нетрезвые и мерцающие от этого мысли.

– Даже так? – синие глаза мужчины просто-таки впились в мое лицо, изучая его. Стало совсем некомфортно.

– Да... Мы месяц встречаемся. Поэтому... так вышло.

– Так вышло, – повторил он за мной, все пытающейся понять, что им нужно? – Как странно все выходит.

– И все это выпили вы вдвоем, – указал на стол Даниил Юрьевич. – Так сказать, за годовщину-юбилей. Да?

Гарри позволил себе парочку противных злорадных улыбочек.

– Мы друзей встретили, – я встретила с ним глазами, и мне стоило больших эмоциональных усилий не опустить их сразу, а чуть-чуть выдержать тяжелый взгляд. Про выпивку заговорил, сейчас с «Дымком» прикапается. – А чего вы, собственно, к нам пристали? – набралась я все-таки наглости. Но мой вопрос остался без ответа, потому что как Дэн вдруг четко произнес:

– Дед, ты опять себе делал пластику? Или просто кожу подтягивал?

Лицо хозяина «Алигьери» вытянулось. Доморощенный Гарри Поттер в дорогих очках за его спиной хмыкнул в кулак.

– Замолчи, идиот, – шикнула я на Смерча и даже стукнула по лбу. – Чего несешь? Извините, он очень пьян! – уже другим тоном сказала я изумленному и даже слегка рассерженному Даниилу Юрьевичу.

– Я вижу, – сухо отвечал мужчина. – Надрался вновь, мальчишка?

– Дед, ты не прав. А ты кто? – посмотрел Смерч на меня. Я только рукой махнула. Мол, заткнись, дубина, не мешай.

– А, я знаю. Ты Бурундук, – выдал торжественно нетрезвый брюнет. – Дед, я Дейл. А она – Чип. А он, – с этими словами Дэн ткнул пальцем в Петра, – последний кретин. Петрон.

Тот злобно взглянул на Смерча. Но промолчал.

– Прелестно, просто прелестно, – отозвался мужчина с некоторой долей иронии и требовательно поинтересовался: – Как ваше имя, девушка?

– Мария, – представилась я тут же, начиная кое-что подозревать. Вы можете сказать, что сразу бы сообразили, в чем дело, но в тот момент я, не совсем все-таки трезвая, не могла понять, чего от нас хочет тот, кого Денис упорно называет «дедом».

Нет, так не бывает!

Все нормальные дедушки сидят дома на пенсии и командуют родной кухней, а не крутым клубом!

– Я Даниил Юрьевич. Как вы уже сами догадались – родной дед этого негодяя, – развеял все мои последние сомнения импозантный мужчина, представившись. – Значит, наш Денис нашел наконец постоянную девушку? Эй, отвечай мне живо, мальчишка.

«Мальчишка» не ответил – он опять впал в забытие, только глаз не закрыл, а просто смотрел в одну точку перед собой, а по лицу его блуждала улыбка.

А мне оставалось только осторожно кивнуть. Заса-а-ада...

Ну, вот и с родственником Смерчинского познакомились. Я с его дедом, он с моим папой. Красота, что сказать? И главное, при каких обстоятельствах происходили наши встречи! Через десять лет, если мы со Смерчем еще будем общаться (в чем я сомневаюсь), нам будет что вспомнить и над чем посмеяться, да только сейчас мне ни капельки не смешно. Скорее, неловко и страшновато. Его дед владелец такого крутого места – понятно теперь, почему золотая VIP-карта у Дэнва имеется – получил от дедушки, который на дедушку-то ни капли и не похож. К тому же еще этот мужчина в строгом костюме имеет такой холодный непроницаемый взгляд, что мне кажется, будто он читает все мои мысли. Не человек – акула в костюме.

– Еще раз уточню на всякий случай. Вы, юная леди, возлюбленная моего внука? – просверлил меня взглядом Даниил Юрьевич.

– Ну-у-у... да, – ответила я.

– Хорошо. Наконец-то перестанет таскаться по кому попало, – удовлетворенно произнес мужчина, который на дедушку походил так же, как я на отличницу. – Я не представлю, как вы, Мария, смогли его обуздать, но рад, что смогли.

Я скромно кивнула – а под столом мои ноги нервно дергались.

– Давно Денис в таком состоянии? – спросил «дедушка». Больше сорока, ну с натяжкой сорока пяти, я ему дать не могу! Реально, что ли, пластической хирургией балуется? Ну, у меня столько денег было бы, я бы тоже баловалась ею.

– Давно? Часа два, нет, даже больше, – ответила я растерянно.

– Значит, совсем скоро это у него пройдет, – кивнул удовлетворенно Даниил Юрьевич. – Жаль, мне нужно уезжать, и мы с ним не успеем побеседовать. – В его голосе послышались не самые благожелательные нотки. – Что один мой сын, что второй, что мой внуки – никто из них не умеет пить. Слабаки.

Петр кашлянул, но на него не обратили никакого внимания.

– И в кого они такие? Риторический вопрос. Ладно, Мария, мне действительно пора – я в клубе мимолетом. Кстати, «Алигьери» вам нравится? Я сам придумывал основную концепцию.

– Безумно нравится, – отозвалась я, понимая, что просто обязана польстить этому дядьке, – его взгляд просто требовал это, как голодная злая собака кость. – У вас классно, необычно и атмосфера такая... хорошая, хоть и мрачная! Как будто в Средневековье оказываешься. Вы... вы замечательно отобразили все те три таинственных места, куда спускался герой Данте, и очень-очень аллегорично: ваш ход с надписями или те же рисунки – просто

отпад... то есть, я хотела сказать, они очень оригинальны и в то же время близки к тексту, – попробовала я блеснуть теми знаниями, что получила в стенах университета.

Мои слова ему явно понравились. «Дедушка» улыбнулся. Точь-в-точь как Дэн. Внешне они совершенно не похожи – только глазами, а вот мимика – один в один! Только от «дедушки» просто-таки веет властью.

– Люблю, знаете, на досуге почитать Данте. Ну что ж, я спешу, вынужден откланяться. Да, кстати, наша семья очень либеральная, и мы не имеем ничего против того, каких спутниц жизни выбирает себе наши дети, – зачем-то поведал мне Даниил Юрьевич. Я попыталась ему улыбнуться, но получилось это плохо – всего лишь одним уголком губ.

– Ребята сейчас проводят вас в мой кабинет, там вам будет комфортней, чем здесь, – распорядился родственник мирно сопящего Дэна, находящегося в прострации. – Вам, Мария, там понравится. И не злитесь на моего непутового внука – не думаю, что он хотел напиться и показаться вам в столь неприглядном виде, обзывая Бурундуком любимую девушку.

Я вновь кивнула. Да мне уже все равно. Бурундук, не Бурундук.

– А у вас библейское имя, – напоследок, перед тем как покинуть кафе, сказал мне этот человек, напомнив внезапно кое-кого. – Оно означает «желанная». Или «горечь». Да, кажется так.

С этими словами он, велев Петру идти за ним, удалился прочь под напряженные взгляды двух официанток и бармена.

Охранники же с легкостью подхватили под руки не совсем адекватного Дэна, как будто бы это был не здоровый парень, а маленькая девочка, и потащили к двери, ведущей на лестницу, а я поспешила за ними, проверив на всякий случай, с собой ли у меня ВИП-карточка Дэна. Только пошли мы не вниз, откуда, собственно, и приперлись сюда с музыкантами, а наверх, туда, где почти не было посторонних людей и где начиналась одна из ВИП-зон для тех, кто имел возможность отдавать достаточно большие суммы денег всего лишь за одну ночь аренды шикарных помещений, где не в диковинку были не только такие вещи, как превосходный бар, кухня нескольких стран, кальянная и сигарная комнаты, отдельный танцпол, но и сауны, небольшой бассейн и джакузи, что-то вроде массажного салона и даже специальная женская шоу-группа.

Я очень хотела посмотреть, как выглядит кабинет хозяина этого пафосного местечка, но, увы, из-за Дэна мы туда не дошли.

Вечно от него одни неприятности! Все портит, собака ветреная.

И дедушка бы его расстроился, если бы узнал, что надравшийся порядком внучок не смог доползти до нужного места. Но он об этом так и не узнал, поскольку очень спешил покинуть «Алигьери».

– Петр, у меня совсем нет времени. Проводишь до стоянки, – властно произнес, спеша по лестнице к своей дорогой машине, ожидающей его на подземной парковке, Даниил Юрьевич, поворачиваясь к типу в очках, следующему позади. – Ты понял все мои распоряжения насчет клуба?

– Да, все понял, – отозвался парень живо, но с долей то ли пренебрежения, которое скрывалось под этой живостью, то ли отлично скрываемого превосходства.

– Очень на это надеюсь, друг мой. Еще несколько косяков с твоей стороны, и управляющим тебе здесь больше не быть.

– Но...

– Бизнес, – обернулся к Гарри Поттеру местного разлива Даниил Юрьевич, – бизнес важнее, чем все наши личные взаимоотношения. Что ты, что твой брат – не понимаете этого. Один – повеса и шалопай, второй – знатный злопамятный дурак. Что хуже, не представляю.

На мгновение голос мужчины стал более теплым и даже чуть-чуть ворчливым – но только на мгновение. А его собеседник скривился, как от зубной боли, но мужчина этого не

увидел, потому как размашисто шагал вперед, не оглядываясь на лицо молодого человека по имени Петр.

– Значит так, я увидел, что хотел, все тебе сказал и надеюсь, ты исправишь ситуацию. Сделаешь все возможное, чтобы мой клуб больше не терял денег из-за твоих ошибок с документацией. Жаль, жаль, что скоро у меня самолет. Иначе бы я остался и сам бы решил все вопросы.

– Я все сделаю, – отозвался молодой человек в очках.

– Приеду, проверю, – пригрозил импозантный мужчина, на ходу застегивая распахнутый пиджак. – А, да, проследи, чтобы с этим идиотом все было в порядке.

– Да-да, конечно, – закивал Петр, испытывая облегчение, – они фактически дошли до стоянки. Охрана, заметив хозяев, тут же вытянулась в струнку и приобрела сосредоточенный вид.

– И за девочкой присмотри.

– Присмотрю.

– Узнай, кто и что она. Подготовь легкое досье. Сможешь, надеюсь? – повернулся мужчина к Петру. Тот мрачно кивнул, думая про себя, что он – не мальчик на побегушках, чтобы собирать какое-то там досье на девчонку. Но вслух ничего, естественно, невысокий, даже хрупкий на вид молодой человек не произнес.

– И сделай так, как я тебе велел насчет нового ВИП-зала.

– Вы мне уже говорили об этом несколько раз.

– Тебе нужно каждую вещь сказать трижды – и это твой минимальный порог запоминания. Иначе забудешь, – фыркнул Даниил Юрьевич.

– Прекратите. – Невеселая и даже злая улыбка скользнула по худощавому лицу. – Вы совсем меня не цените. А понимаю я и с первого раза.

– Что-то я в этом сомневаюсь. Сегодня твой взгляд еще глупее обычного, друг мой славный. Мне тебя что, умолять, чтобы ты хорошо работал? Я плачу тебе немалое жалованье, да и многое к рукам ты прибираешь знатно.

– Ну что вы, я не такой, – притворно возмутился Петр, и его синие глаза заблестели от внутреннего злого смеха. – Работаю не покладая рук и головы, а вы – вы всегда найдете, к чему придраться.

– А я тебе говорил, что работать со мной трудно. Но ты сам напророчил работать в управлении клуба, – парировал Даниил Юрьевич, залезая в машину, дверь которой услужливо распахнул один из охранников. Открыв окно на переднем пассажирском сиденье, он поманил к себе Петра.

– Думаю, из нашего сегодняшнего разговора ты все понял, Петя, и сделаешь правильные выводы. Клуб требует твердой руки.

– Да, дед, – отозвался тот спокойно, хотя крепко сжал в кулак – так, что костяшки побледнели – левую ладонь. – Я все понял.

– Надеюсь, без меня тосковать не станешь, – с этими словами Смерчинский-старший закрыл окно, и автомобиль почти бесшумно развернулся и умчался прочь со стоянки.

– Не стану, – отозвался молодой человек и выдохнул с большим облегчением – даже сердце стало биться спокойнее, – дедушка.

Этот молодой мужчина по имени Петр был еще одним внуком Даниилу Юрьевичу и носил славную фамилию Смерчинских вот уже почти двадцать шесть лет. Он являлся одним из директоров клуба и официальным заместителем Даниила Юрьевича, а с недавних пор решил взять на себя дополнительные обязательства – контролировать нелегальную тайную деятельность этого прибыльного местечка, где частенько расслаблялась золотая молодежь. Тайную в первую очередь от самого господина Смерчинского-старшего, его властного деда.

Вообще-то тот был очень даже в курсе, что творилось незаконного в его «Алигьери» под покровом ночи, и именно он получал определенный процент прибыли от всего этого.

Петр, тоже желающий получать дополнительную прибыль, не без помощи одного из своих старых друзей, который входил в одну из группировок, известную недавно возрожденному Управлению по борьбе с организованной преступностью, под названием Южные или Пристанские, чуть меньше месяца назад организовал подпольные азартные игры, проводимые в клубе под грифом большой секретности. Также под его контроль попали поставки веществ для тех же запрещенных коктейлей «Дымок», или куда более опасных коктейлей, в состав которых входили куда более сильные наркотические вещества.

Существовало это пока на очень хрупкой основе, уже пользовалось популярностью, особенно у богемной молодежи, поэтому сулило большие выгоды. К тому же дед редко бывал в «Алигьери» и некоторое время точно бы не прознал о том, что творил за его спиной находчивый внук, которого, кстати, покрывал еще один из замов Даниила Юрьевича. А если бы он прознал про «наркокотейльный бизнес» и прочие «шалости», то у Петра к тому времени были бы уже нехилые сбережения, и он со спокойной совестью мог бы уехать за границу.

Но сегодня обычно уверенный в себе молодой человек в позолоченных дорогих итальянских очках пребывал в тихом ужасе. Дед, внезапно нагрянув сюда час назад без всякого звонка или сообщения, решил проинспектировать весь клуб, потому как из отчетов финансового директора понял, что Петр перемудрил с документами, из-за чего прибыль несколько снизилась. Молодой Смерчинский боялся, что моложавый и скорый на расправу дедушка прознает про его противозаконные действия, к примеру, увидит тот же «Дымок», который бармены-дебилы стали продавать уже едва ли не открыто, или заглянет в ту самую комнату во второй ВИП-зоне, где именно сейчас идет игра на серьезные деньги с серьезными людьми, о которых в эти минуты заботился тот самый приятель Петра.

К счастью, Даниил Юрьевич отвлекся на своего второго внука – придурковатого Дэна, с которым у Петра в последнее время отношения были более чем холодные: двоюродные братья с детства друг друга не переносили, и только чудом не наткнулся на игру, задержавшись на втором уровне «Чистилища». Серьезный с виду брюнет в очках едва ли не впервые в жизни был так рад увидеть кузена, напившегося, правда, в компании с очередной девчонкой, на этот раз слишком простоватой для Дениса. Впрочем, второму Смерчинскому было безразлично, с кем проводит время его брат: да хоть с парнями. Но вот известие о том, что светловолосая и без намека на макияж и женственность девчонка стала вдруг официальной девушкой Дэна, его заинтересовало. Можно даже будет как-нибудь попробовать поиграть с ней на виду у «любимого» братика и поиздеваться над зазнавшимся идиотом. Сначала своей «удачи» молодой директор клуба не оценил – когда, находясь наверху, увидел вдруг за стойкой бара брата в компании его дружков-музыкантов, которые по протекции все того же Дениса выступали каждую неделю в «Чистилище», на панк-концертах, он пришел в ярость. Дэн, который уже месяца три не посещал это заведение, легко мог узнать, что некоторые бармены продают запрещенные коктейли, и доложить об этом деду. Однако он что-то выпил и стал невменяемым – на радость Петру. А потом и вовсе перетянул на себя внимание Даниила Юрьевича.

– Не стану, не беспокойся, – повторил негромко Петр, всматриваясь вдаль – вдруг дед решит вернуться? – и утирая выступившие на лбу капельки пота. Былое спокойствие и уверенность медленно возвращались к нему. На то, как мимо него едва ли не со скоростью света пронеслись две темные фигуры с рюкзаками за спинами, он не обратил внимания. Однако, вернувшись с недовольным лицом в кабинет Даниила Юрьевича и не обнаружив там братца и его девчонки, Петр обозлился. Охранники, пожав плечами, сказали, что парочка пожелала уйти в ночь, а они не видели смысла ей препятствовать.

«Что ж, так или иначе я соберу на твою девчонку досье», – подумал Петр, прежде чем отправиться из своего кабинета туда, где шла нелегальная игра.

Едва мы оказались около кабинета дедушки Смерчинского, располагающегося в одной из башен (я восхищенно крутила головой, подумав, что предложение Дэна надо было все же принимать, потому как стать невесткой такого богатого дяди – совсем недурственно), в голове Смерча что-то щелкнуло (жаль, что я не слышала), и он почти пришел в себя. Отцепившись от невозмутимых охранников, он вдруг потряс головой и остановился как вкопанный.

– Куда мы идем? – хрипло проговорил он, с большим удивлением рассматривая внутреннее убранство стен. «Стекло» из его глаз исчезло, лишь покрасневшие белки напоминали о том, что несколько часов обладатель этих глаз был не в себе.

– В кабинет твоего дедушки, – мстительно сказала я, видя, как его глаза становятся нормальными, живыми.

– Что? Куда? – медленно повернул голову в мою сторону парень. Охранники тактично молчали, но мне показалось, что один из них едва заметно улыбнулся.

– К дедушке твоему, – повторила я. – Он, знаешь ли, недоволен немного твоим пьянством беспробудным. Решил, что в его кабинете тебе будет лучше, чем за столиком в кафе.

– К дедушке? – еще неокрепшим голосом спросил парень. – К дедушке? – повторил он с удивлением.

– К дедушке, к дедушке, – закивала я с улыбкой, глядя на пришедшего в себя глупенького Смерчика, чьи глаза были такими же несчастными и круглыми, как у котенка, который охотился за птичкой: ждал, караулил, махал пушистым хвостиком, прыгнул наконец на нее, а она возьми, да улети в небо. – Слушай, сколько твоему деду лет, такой дядька молодой на...

Но, едва услышав про родного дедушку, Смерч перебил меня, что-то скороговоркой сказал охраннику – тот только кивнул – и свалил, естественно, вместе со мной. Он заставил меня бежать вниз по длинной лестнице с широкими ступенями, на которой был выстлан темно-бордовый ковер, вниз, к холлу. С родственником ему явно не хотелось встречаться – ну с чего бы еще мальчик-ветер дунул вон из клуба, славно и не пил вовсе. В холле мы сделали кратковременную остановку – парень забежал за нашими рюкзаками в раздевалку, вернулся ко мне, мы повернули направо и через подземную стоянку вылетели из гостеприимного ночного клуба, остановившись только в соседнем переулке. Дэн прислонился к холодной стене спящего дома и закрыл лицо руками. Выглядел он неважно, и вообще вокруг Смерча носилась хаотичная аура страданий – я ее прямо-таки физически ощущала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.